

63.3 (2 = 6/СЧ)

59/235

A29

МУРАД
АДЖИЕВ

МЫ-ИЗ РОДА ПОЛОВЕЦКОГО!

**МУРАД
АДЖИЕВ**

МЫ – ИЗ РОДА ПОЛОВЕЦКОГО!

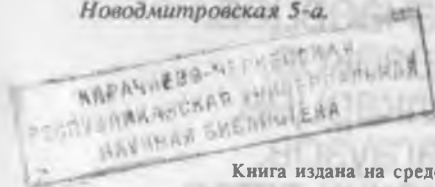
из родословной
кумыков,
карачаевцев,
казаков,
балкарцев,
гагаузов,
крымских татар,
а также
части русских
и украинцев

1992 год

От автора

Эта книга—первая. Пусть она положит начало. Возможно, что-то в ней не удалось, в чем-то я был излишне категоричен. Но, клянусь, ни одним словом я не лукавил. Не имел права. Писал, как думал. Книга плохо иллюстрирована, к сожалению. Не сумел. Но за ней последует кинофильм, который можно будет приобрести в записи на кассету. Готовлю новые книги, в том числе детскую. И все они о нашем степном народе.

С вопросами обращайтесь в редакцию журнала «Вокруг света» на имя М. Аджиева. 125015 Москва, Новодмитровская 5-а.

Книга издана на средства автора

591235

© Мурад Аджиев

Сдано в набор 4.4.92. Подписано в печать 1.6.92. Формат 70х90/32. Печать офсетная. Усл. п. л. 5,26. Уч.-изд. л. 6,7.

Тираж 50000.

Рыбинский Дом печати Министерства печати
и информации Российской Федерации
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8

*Своему народу
посвящаю...*

Кто есть я? Что есть мои корни? Подобные вопросы, наверняка, задавал себе каждый культурный человек. Но не на все находили ответ. Думаю, из сотни читателей лишь единицы назовут имя своего деда и прадеда, расскажут о них; о седьмом колене и не говорю... А ведь известно именно со знания своих корней, обычаев и традиций начинается народ. Иначе он не народ — толпа.

Семь десятилетий из нас делали безродную интернациональную толпу: жестоко кромсали историю, умело подрубали корни. Работали мастера!

В чехарде фактов и лжи, пронизавшей все и вся, люди терялись, стремились забыть прошлое семьи, забыть своих предков. Прятали, скрывали даже семейные фотографии — как бы чего не вышло, как бы не навредить себе и особенно детям.

И — вырастали желанные кому-то поколения иванов, не помнящих родства. Да... Мы росли беспамятными, а корни, даже подрубленные, все равно напоминали о себе: собой, своим существом, мы повторяем свой народ, ушедших предков. Повторяем в характере, во внешности, в способности понимать окружающее. И думать. Мы точно такие же, как они. Вернее, почти такие же. Мы — их продолжение, их наследство, их семья; и это — важнейший закон жизни!

Неужели на судьбе России написано: быть ей страной беспамятной? Обидно, но это так. Пока так.

Традиция по выдавливанию из народа памяти зародилась не в 1917 году. Раньше, намного раньше. Грешили этим уже первые русские летописцы.

Возьмем, к примеру, Киевскую Русь, с нее, как уверяют, идет наша отечественная история. «Пришли славяне на берег Днепра, заложили в IX веке стольный Киев-град...» По-моему, с этой, самой первой фразы, вынесенной со школьного урока, мы получили кривое зеркало, в котором будем видеть все свое изуродованное прошлое... Зубы дракона брошены.

Задумаемся, кто были тогда славяне? Жители лесов, обитатели землянок, довольствующиеся собирательством. Вот что писали о них византийские историки в 591 году: «...им незнакомо ношение оружия, так как страна их не знает железа». Как же могли люди, не ведающие металла, построить стольный город?

С загадок начинается ныне история России... Явно с загадок.

В книге замечательного российского историка Сергея Михайловича Соловьева нахожу затерявшуюся фразу, которая ставит все на свои места: пришли в IX веке славяне к варягам и говорят (цитирую по Соловьеву): «Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами».

Теперь понятна история с Киевом, она уже вроде бы похожа на правду — в Скандинавии, действительно, задолго до IX века люди жили в городах, знали, как строить город, для чего он нужен. Это очень важные знания, ибо они поднимают общество с одной ступени развития на другую. Построить город, значит, поменять образ жизни, хозяйства, армии... Просто так в истории, как и в жизни, ничего не бывает.

А почему новое государство называли «Русь»? Невразумительных объяснений полно. Опять же у Соловьева нахожу ответ: «русью назывались варяги». Отсюда следует: русский, значит, неславянский, в первоначальном значении этого слова.

Как видим, историю можно читать, а можно прочитывать...

Я поведу здесь речь не о Руси, а о «Великой Степи», о моем родном Дешт-и-Кипчаке, неизвестной ныне стране, в которой жили половцы-тюрки. На их же земле в IX веке возникла Киевская Русь. Итак — о стране, забытой историками. (Действительно, не на пустом месте, не на необитаемой планете появился Киев?)

Никому невдомек было прежде задуматься, а что же означает слово «киѣв»? Со славянского название никак не переводится. Зато переводится оно с половецкого, и очень хорошо переводится: «киѣв». — «зять».

Выходит, история-то России идет именно с половецкого города «зятья» — Киѣва — который в IX веке захватили варяги, то есть руси. Отсюда и название — КИЕВСКАЯ РУСЬ. Вот, оказывается, «откуда есть пошла русская земля». А легенда о Кие — более позднее сочинение.

Почему Киѣв — именно половецкий город? Ответ простой: уже в VI веке в Дешт-и-Кипчаке был не один, а много городов. Десятки. Среди них был и Киев, город чьего-то зятья... Впрочем, все это безоговорочно давно подтверждено историками и археологами, так что открытия в моих словах нет, все это известно.

Средневековые арабские и западноевропейские путешественники, как следует из литературы, уже давно рассказали о тех тюрских городах, подчеркивая, что они были хорошо укреплены, а в столичных городах, где обитала половецкая аристократия, были большие базары и христианские храмы, в которые приезжали люди со всей округи.

Жители Дешт-и-Кипчака с IV века постепенно принимали христианство, и не от них ли оно пришло в свое время к язычникам-славянам?

...Много, очень много скрывается в недрах нашей истории. Полно недомолвок! Скрывается даже имя народа Дешт-и-Кипчака, хотя оно в самом названии этой страны — («Дешт» — «Степь»), Степь кипчаков.

Старательно изображается, будто Степь была не чьей-то страной, а якобы был там некий проходной двор, столько имен «народов» перебирают отечественные историки: печенеги, куманы, кумаки и т. д. Однако, итальянец Плано Карпини, побывавший в Степи в 1246 году и видевший жителей ее своими глазами, давным-давно все расставил по своим местам: «эти народы, — писал он, — имели одну форму лица и один язык, хотя между собой они разделялись по областям и государям». Вот откуда взялись все эти «бродники», «черные клобуки» и прочие мифические «народы».

Вот почему я называю жителей Дешт-и-Кипчака одним словом **Половцы** и веду их биографию от гуннов — первых тюрков, появившихся в Степи и заложивших границы новой страны. Этим я хочу подчеркнуть, в Степи жил один народ или, по крайней мере, половцев-тюрков — было подавляющее большинство...

По-моему, укоренившаяся теория «диких кочевников» нуждается в очень серьезном пересмотре. Пора бы, наконец, кончить низводить тюркские народы до дикарского уровня. Хватит плести про них небылицы и выдавать эти художества за историю.

Уже много веков в России сознательно унижается и уничтожается тюркская культура и тюркские народы. Это стало неписанной нормой. Не верите? Вот строка из приказа Петра I: «а басурман зело тихим образом, чтобы не узнали, сколько возможно убавлять». И убавляли. Убавляли всегда, всеми мыслимыми способами... За что? За что такое отношение к нам?

Особенно успешно действовали при Советской власти, когда уничтожали целые народы: первыми стали казаки, сложившие головы за то, что досталась им в наследство кровь половецкая, а с ней честь, доблесть, верность присяге... Такими в жизни были половцы...

Как заявку на будущий объективный разговор, на его первое слово, предлагаю смотреть на эти записки. Возможно, они не бесспорны, но писались явно не холодной рукой.

И было бы к месту в этой связи напомнить слова русского историка Н. Я. Аристова: «Верное и точное изучение исторической жизни дает самое лучшее средство для понимания ее в настоящую пору». Для понимания настоящего я и предлагаю очистить историю, а также очиститься самим. Предлагаю честно поспорить ради истины, ради познания самих себя.

Уверен, и Н. Я. Аристов, и С. М. Соловьев, и В. Н. Татищев, и В. О. Ключевский, и Н. М. Карамзин, и десятки других историков, чьими данными я пользовался, были великими патриотами своей страны, своего народа, никто из них и мысли не допускал о фальсификации событий, о придумывании того, чего не было. Почему же ложь с 1917 года стала нормой в России?

«Говори правду, а правде никто не воспротивится», — так звучит древнее правило науки, у нас забытое.

Без зазрения совести, например, даже находки из половецких курганов теперь выдают за славянские изделия. Будто и не было высокой тюркской культуры, которая не похожа ни на славянскую, ни на какую другую...

Знаю, при слове «половец» у многих воображение пока рисует такого нечеловека, звероподобного дикаря с раскосыми глазами, кочующего по степи. Только и умел тот дикарь, что грабить и убивать. А потом половцы «исчезли», как утверждают Советская наука, и ее энциклопедический словарь.

Так, или примерно так, мы рассуждаем о великом народе, которого миллионы. А ведь мало кто, наверное, знает, что многие из нас и есть те самые половцы. Таковых сейчас, я думаю, 50—80 миллионов. Синеглазых, светловолосых, коренастых и совсем не раскосых выходцев из Степи...

Еще во времена Ивана Грозного у Оки — за Коломной! — к югу открывалась Половецкая Степь, наше государство. А раньше, до XI века, оно начиналось от Москва-реки.

Сперва Юрий Долгорукий, потом Петр I нарушили эти

границы, начав колонизацию своего южного соседа, его захват и порабощение.

Половцы не исчезли, их поработили!

История человечества, как известно, не знает примеров исчезновения народа, всеобщего уничтожения населения не было даже при самых страшных нашествиях. ГУЛАГи — это советское изобретение, тогда, с 1917 года, и начали уничтожать народы. Прежде же людей поверженной страны, особенно женщин и детей, а также ремесленников брали в рабство, их ставили в унижительное положение, над ними издевались. Но лишить народ его генетического наследия никто не мог.

И верно, например, антропологические обследования черепов VIII века, найденных в курганах бывшей Степи, показывают, что находки абсолютно не отличаются от тех, что сохранились в половецких могильниках XIII века. Точно такие же — антропологически одинаковые! — черепа у нынешних коренных жителей Степи, например, казаков, забывших, правда, своих родителей, но сохранивших их внешность. Воистину, народ нельзы уничтожить, всяк народ от Бога.

Об истории половцев, о географии их страны рассказывают не только старинные книги, но и находки археологов. В Тульской области, например, совсем рядом с Москвой, встречаются знаменитые половецкие статуи, служившие степнякам ориентирами или пограничными столбами, отделяющими земли одного юрта от другого.

«Юртом» половцы называли обширное место, где стояла юрта (дом) вождя племени или семейства. Любопытно, что слово «юрт» сохранилось в поселениях у казаков, кумыков, у других народов — потомков половцев. Смысл его не изменился, разве что теперь не стало вождей.

Надо заметить, что и пришедшее с половцами слово «орда» запечатлено в географических названиях. Ордой называли селение или город, где жил половецкий хан, и земли, подвластные ему. Отсюда пошло название Ордон или Ардон, которое встречается в названиях станиц. Второе значение

слова «орда» (шайка, банда) появилось уже после колонизации Степи.

Кроме названий поселений, кроме каменных памятников, о древнем степном народе напоминают курганы-могильники, — их в изобилии оставили половцы. Курганы, как правило, разграблены, но те, что сохранились, открывают археологам предметы быта, которые у степняков «умирали» вслед за хозяином.

Золотые блюда, ювелирные украшения, изящные статуэтки — эти счастливые находки, которые пощадили судьба и время, приводят в восхищение самых тонких ценителей искусства во всем мире... и все тут же забывают, что создавали эти произведения искусства «дикие кочевники».

К сожалению, очень мало сохранилось духовных богатств степного народа — что-то уничтожило время, что-то люди, вторгшиеся на землю степняков, увы, духовную культуру Степи почти целиком присвоили себе колонизаторы. Однако что-то сохранилось.

Конечно, все эти крохи, раскиданные по миру, не позволяют судить о глубокой культуре половцев, но они позволяют задуматься над ее глубиной. Не мог же народ, сотворивший произведения высочайшего искусства, быть «диким», как утверждают многие советские историки?

Кто знает, далеко ли то время, когда человечество изумленно ахнет, узнав о совершенно пустой странице своей истории? Дело в том, что существует легенда, будто бы в дни опасности, в XIII веке, когда судьба Степи была решена, кто-то из ханов спрятал в Кавказских горах большую библиотеку — целый караван вез ее. Книги были на древнетюркском языке, вид их был очень внушительный, ведь у половцев была своя письменность, они писали на тонких телячьих кожах, писали столбиком, сверху вниз.

Возможно, слух о библиотеке — легенда. Но как знать! На Кавказе, мне говорили, чабаны, находили подобные книги...

Действительно, история половцев — потемки в истории человечества. И в истории России, разумеется. МЫ ЗАБЫ-

ВАЕМ (ИЛИ НЕ ХОТИМ ЗНАТЬ!), ЧТО НЫНЕШНЯЯ РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА, КАК РЕКА, СЛОЖИЛАСЬ ПРИ СЛИЯНИИ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ НЕСКОЛЬКИХ ПРИТОКОВ — СЛАВЯНСКОГО, ТЮРКСКОГО, УГРО-ФИНСКОГО, АЛАНСКОГО... И неизвестно, влияние какого из них было решающим.

Например, в языке. В русской речи столько тюркских слов и выражений, что без них современный русский язык, как утверждают специалисты, уже невозможен. Не верите? Убедитесь сами — прочитайте любой древнеславянский текст, скажем XIII века. Ну хотя бы два предложения. А потом прочитайте тексты XVII—XIX веков, русский язык, появившийся после захвата Россией южных земель, совсем другой...

Если рассуждать дальше, то опять и опять возникает вопрос: кто есть мы? Что есть наши корни?

Генетика отвечает на эти вопросы по-своему, — не спутаешь! — «татарские» лица обнаруживаются едва ли не у половины людей, записанных русскими или украинцами. Скулы, разрез глаз, пропорции тела... Природа напоминает им, не помнящим родства, о корнях, о предках, об их истинной крови.

Славяне и тюрки это, если хотите, разные «породы» людей. По форме черепа, по выражению глаз, по конституции тела, по характеру — по всему отличаются они... Образ жизни у них иной, душа иная... Видимо, поэтому так отличаются тюркская и славянская культуры.

Когда о половцах ничего не знаешь, не ведаешь, то информация из энциклопедии устраивает — ну, исчезли и исчезли. У меня же сложилось иначе, представляете, я почувствовал себя половцем. Будто Бог прикоснулся ко мне, и с того счастливого мгновения я весь стал другим. Невероятно, но факт — у меня появились корни, я ощущаю их тепло, и мне легче жить. А началось все после неожиданной поездки в Дагестан, который прежде толком я никогда не видел.

1

Мое
открытие
самого себя

В

дали, в розовом тумане восходящего солнца, среди степи виднелось что-то неясное, огромное: не то синеющий лес, не то застывшее облако. Но то был не лес. И не облако.

— Яхсай, — безразлично произнес шофер. И я почувствовал, как забилося мое сердце.

Вот уже обозначились дома. Много низких домов с покатыми крышами, с огромными верандами, окруженные садами. Вот уже ясно различались трубы, над которыми зависли белые клубы дыма... А сердце не унималось, искало выход наружу.

Аул Аксай — родина моих предков. Здесь родился мой прадедушка Абдусалам Аджиев*), и все радовались его появлению: без усталости палили из ружей в воздух, гарцевали, праздновали несколько дней подряд, как велел обычай, — человек родился! Сюда, в Аксай, прадедушка привез свою первую жену — чеченскую красавицу из рода Битровых, Батий, а всего у него было четыре жены, Батий была старшей. Первенца они называли Абдурахманом, в честь моего прапрадедушки, потом у них родилось еще одиннадцать детей, но лишь шесть выжили. Среди них — Салах, мой дедушка. А вот дети Салаха родного Аксая уже не знали. Дядя Энвер родился в Санкт-Петербурге, пото-

---

* Пусть простят меня предки, ведь по кумыкским обычаям я не имею права называть старших полным именем. А как иначе рассказать нашу историю?

му что там дедушка учился на инженера, там он и женился. Отец мой увидел свет в Темир-Хан-Шуре, тогдашней столице Дагестана, где ненадолго поселилась после Петербурга молодая семья инженера, ведь бабушка закончила консерваторию, была пианистка, а в Аксае ей не хватало бы общества. Тогда окружению придавалось очень большое значение...

С тех пор столько воды утекло. Далеко разбросала плоды наша аксайская яблоня. Когда я ехал в аул, то не знал о ее щедрости, даже не догадывался — в нашем доме, как и во многих других, не принято было вспоминать. Никогда! Ничего!

Я родился и вырос в Москве, закончил университет, защитил диссертацию, объездил страну вдоль и поперек и всю свою жизнь верил, что история фамилии Аджиевых началась после 1917 года... Долго же тянулась болезнь.

К счастью, есть голос крови! Искать свои корни я и поехал в Аксай, старинное кумыкское селение на севере Дагестана.

Когда побываешь там, невольно задумаешься: а верно ли, что Дагестан зовется «страной гор»? Будто нет там Кумыкской равнины, огромной, бескрайней, где степная земля разглажена ветрами, распахнута солнцу — открытая, гостеприимная, добрая. Такие же и люди, веками живущие здесь.

Степной Дагестан... Что известно о нем сейчас? Да и вообще, кто-нибудь вне Дагестана слышал о кумыках — моем древнем народе с разбитой судьбой? А ведь еще сто лет назад наш язык был языком общения на всем Северном Кавказе. Из далеких горских селений приходили в наши аулы учиться кумыкскому языку и культуре...

Понимаю, рассказывать о своем народе крайне сложно — всегда рискуешь либо что-то упустить, либо, что вероятнее, преувеличить. Поэтому буду больше говорить о своей фамилии, когда-то очень знатной и уважаемой в Дагестане, об Аджиевых, о том, что сделали с нами. К сожалению, наш род разделил судьбу кумыкского народа. И это, увы, не преувеличение.

Брокгауза и Ефрона, вернее — их знаменитый Энциклопедический словарь прошлого века, нельзя упрекнуть в предвзятости. Меня — можно. Поэтому поведу свое «кумыкское» повествование с запечатленных в этом классическом словаре слов:

«В кумыкских песнях отражается нравственный облик кумыка — рассудительного и наблюдательного, со строгим понятием о чести и верности данному слову, отзывчивого к чужому горю, любящего свой край, склонного к созерцанию и философским рассуждениям, но умеющему повеселиться с товарищами. Как народ более культурный, кумыки всегда пользовались большим влиянием на соседние племена».

Такие вот слова...

Аджиевы — род воинов, потомственных военных, поэтому к имени мужчины полагалась приставка «сала» — Абдусалам-сала, например. Любовь к лошади, к оружию, к степному простору приходила к ним вместе с молоком матери, а уходила только вместе с душой...

Здесь я отойду от своей родословной, чтобы взглянуть на ту благодатную почву, которая растила наши корни, кормила их — кто же они такие, кумыки? Найти ответ на этот вроде бы нехитрый вопрос не так просто: слишком многое переплелось в нашей истории.

Когда вчитываюсь в иные исследования, то одолевает чувство недоумения: что, мы — народ без прошлого? Именно к этому заключению приходишь, пытаясь разобраться в суждениях иных авторов.

Ну, как можно, скажем, поверить, что кумыки — это выходцы из лакского селения Кумух? Однако встречается и такая «научно обоснованная» точка зрения. Несерьезной, иначе не назовешь, и «теорию» о том, что кумыки — это якобы отюрченные аварцы и даргинцы. Несерьезной, потому что достаточно хоть раз увидеть настоящего кумыка, чтобы понять его принадлежность к иному этносу, абсолютную непохожесть ни на один народ Дагеста-

на. Можно говорить и об уникальности богатого внутреннего мира кумыков. По крайней мере до последнего времени их образ жизни, внешний вид, одежда, быт, культура имели значительные различия с живущими рядом народами. Разве это не свидетельство самостоятельности нашего исторического развития?

Кумыки — тюркоязычный народ... Я — не лингвист и никогда не занимался топонимикой, поэтому не буду искать созвучий в языках, исследовать географические названия, чтобы показать эволюцию иных слов и понятий, и на этом вести свое повествование. Все это уже сделали другие. Не буду и копаться в именах древних народов, упоминавшихся историками прошлых лет, ибо, как показывает практика, это тупиковый путь, разобраться здесь невозможно.

Вот пример, по-моему, вполне убедительный. «На севере Дагестана кто живет?» Лакец ответит: «Народ арнильса». Даргинец скажет: «диркьалан», аварец — «льараг'ал». Получилось три названия одного и того же народа — кумыков.

Моя специальность связана с географией и экономикой, науками строгими и точными, вот почему у меня свой взгляд на историю. И прежде чем делать какие-то выводы, я ищу бесспорные факты. Факты и только факты.

Как случилось, что Дагестан вдруг стал «страной гор»? Будто забыли, что горные птицы летают здесь лишь над половиной его территории, над другой же половиной в небе парят степные орлы.

Конечно, это — географическая аллегория, но она весьма точно определяет земли кумыков — северные предгорья республики и весь степной Дагестан. Степной, то есть равнинный!

В Дагестане кумыкское население традиционно всегда делилось надвое, а «водораздел» проходил по реке Сулак. Деление это интересно тем, что оно отличало две группы, каждая из которых не только по-разному произносила отдельные слова, но и имела иную внешность.

Северные кумыки, как правило, массивнее, крупнее физически, выше ростом. Среди них немало светловолосых и голубоглазых (синеглазых). Конечно, это вовсе не значит, что все они именно такие, речь идет об общем первом впечатлении, определяемом визуально, на глаз. Антропология северных кумыков вполне соответствует тому понятию, которое вкладывалось в древнерусское слово «половец» — желтый, соломенный, цвет головы. Или тюркскому слову «сарык», у которого тот же смысл, что и у слова «половец».

Лица южных кумыков несут в себе больше характерных азиатских черт: темноволосы и темноглазы, причем глаза будто искрятся, а в их разрезе угадываются порой «монгольские» линии.

Штриховой портрет. Но ведь в нем генетическое послание предков! «От отца — к сыну», так устроена жизнь на планете Земля. И изменить ее ход еще не удалось никому, ибо это один из главнейших законов природы.

Культура северных и южных кумыков, хотя и совпадает в целом, однако имеет отличия. Например, северные кумыки в прежние времена жили в рубленых избах либо строили дома из самана — необожженного кирпича из глины и соломы. У южных же кумыков излюбленный строительный материал — необработанный камень... Отсюда проистекали различия в архитектуре жилищ, а значит, и в устройстве быта.

Исключение, пожалуй, составляло только селение Тарки — столица! — где жил кумыкский шамхал, верховный правитель. К сожалению, варвары двадцатого века разрушили старинные здания, еще недавно приводившие людей в восхищение. О таких постройках XVII—XIX веков, как дворец Шамхал-Шаха-Вифи, ханский дворец и других сооружениях можно судить лишь по восторженным отзывам современников... Все исчезло.

Немаловажным для себя фактом я посчитал и тот, что у северных кумыков поселения и земли, прилегающие к ним, называются «юрт», а у южных — «кент». Глядя на карту Дагестана, видишь эту незри-

мую границу, определенную самой историей: Хасавюрт, Бабаюрт, Каякент...

Интересна и планировка селений, она тоже несет в себе информацию из далекого прошлого. Пожалуй, эта информация не меняется веками, вот в чем ее главная ценность.

Кумыки свои селения обычно строили только на плоских участках, даже в горах они не «лепили» дома на склоне, один над другим, как поступали горские народы. Селение всегда отличалось квартальной планировкой. В каждом квартале живет либо один род, либо люди одного сословия, либо одной национальности. По крайней мере, так было, пока сохранялся родовой признак построения юрта. Улицы прокладывались прямыми и ровными. Хозяйственные постройки размещались в глубине двора, а на первый план выходил либо сам дом, либо сад. Кумыкские селения выглядели исключительно опрятными и очень чистыми. При каждом крупном селении обязательно было несколько удаленных хуторов: «отар» — у северных кумыков, «махи» — у остальных...

Поиск «типично кумыкского», я вел долго, скрупулезно, материала хватит на добрую книгу. Могу, например, сказать о кумыкских танцах. Это вовсе не лезгинка, которую ныне здесь танцуют все, танцуют, не задумываясь. У наших предков еще в прошлом веке были другие танцы — свои, национальные: абезек, туз тепсев, жерме, индырбай. Что-то, как утверждают ценители, перешло из этих танцев в лезгинку, которую кумыки все же танцуют не так, как другие народы Дагестана.

Казалось бы, а столь ли важно, как танцуют кумыки, как строят дома, как планируют свои селения? Да, важно. Ибо именно в этом и состоит своеобразие культуры кумыков, больше того — в этом проявляется принадлежность кумыков к культуре степных народов. Ведь точно такая же планировка поселений, точно такие же танцы были и у половцев, обитавших в степной и лесостепной зонах Европы и Азии. Сохра-

591235

НАРАЧ 1992-1993

нившиеся исторические документы, а также находки археологов наглядно подтверждают это... Да-да, именно из сегодняшней жизни уходят тропинки в прошлое! Нить между сегодня и вчера неразрывна.

На древность кумыкской культуры, на ее глубокие корни указывает национальная кухня. Например, «тесто тонко раскатывают, режут на мелкие квадраты, потом варят в бульоне и едят, поливая кислым молоком с чесноком». Любой кумык угадывает, это блюдо номер один, его называют хинкал. Но мало кто знает, что привел я эту запись, из книги древнего арабского путешественника, побывавшего в Дешт-и-Кипчаке, стране половцев. Это блюдо и у предков было блюдом номер один.

Хлеб пекут кумыки тоже как половцы — в печи, из кислого теста. Никто из народов Дагестана такой хлеб не делает. Еще тысячу лет назад степняки готовили чуду — так до сих пор называется особый пирог с творогом, с тыквой, с сыром или травой. Для его изготовления по-прежнему «ничего не надо, кроме воды, соли и теста». И подобных примеров, повторяю, очень и очень много, собственно все они и указывают на этническую принадлежность кумыкского народа к иным, не горским, корням.

Когда встречаешь рецепты кумыкской кухни в старинных книгах, оставленных арабскими, византийскими или западноевропейскими путешественниками, в разное время побывавших в Дешт-и-Кипчаке, честное слово, есть над чем задуматься...

Спросим себя, если кухня, планировка жилищ кумыков и половцев полностью совпадают, если внешний вид людей одинаков, если их язык один и тот же, если одежда та же самая, если даже танцы у кумыков и у половцев абсолютно одинаковы... то можно ли говорить о том, что это один и тот же народ? Думаю, можно, потому что различий не видно даже в мелочах.

Эти вроде бы внешние сопоставления позволили мне предположить, что половцы не погибли и не ис-

чезли, а получили новое имя — кумыки. И, возможно, не только кумыки... Так началось мое исследование.

Не хочу здесь кого-то оспаривать, попытаюсь лишь изложить свое видение истории, потому что поиски истоков моего народа открыли мне много нового, неожиданного.

Первые достоверные сведения о кумыках в Дагестане приходятся на XIII век. Тогда, как отметил арабский путешественник Ибк-аль-Асир, после Чингисхана, о походах которого молва пошла по всему Востоку, на Кавказе стали появляться все новые и новые кипчаки. Число их быстро росло, шли они с севера, из Степи. А кипчаков на Руси, как известно, называли половцами.

Надо заметить, что, по утверждениям тех же арабов, равнинные земли в предгорьях Кавказа и раньше, со II-го до XIII века, всегда принадлежали половцам-кипчакам. Но прежде там жило лишь несколько их родов, теперь же поселения росли, как говорится, день ото дня, собственно это и отметил в своих записках Ибк-аль-Асир.

Ряд советских историков очень нелестно отзывался о кипчаках, о нашем степном народе. Называя его не иначе как «дикие кочевники», «поганые татары», «степняки». Например, С. А. Плетнева в своей книжке «Половцы» так показала наших предков, что стыдно становится. Не за себя, не за предков, а за автора. В общем, храбрые русские князья несколько веков трепали за уши трусливых половецких ханов, — таков лейтмотив книги.

Каждый видит то, что хочет увидеть... Вольному воля, говорили в таких случаях в старину.

Действительно, беспокойный сосед обитал под боком у славян. Всяко бывало. Половцы жгли русские деревни, угоняли пленников в рабство. Однако они и защищали молодую Русь!

Александр Невский, как известно, наполовину был половцем и без половецких дружин вряд ли стал бы «Невским», выиграть свое главное сражение ему помогли легковооруженные половцы... Так что трудно

согласиться с профессором Плетневой, будто половцы были предателями и трусливыми воинами. Нет, не они бежали с жесточайшей битвы на Калке. Страшный то был день — 31 мая 1223 года. Злой рок обрушился на наших предков... Подумать только, уступили в одной единственной битве и исчезли? Многомиллионный народ исчез после одного единственного поражения?! Не верится!

Но так утверждает Плетнева и наша официальная наука, ведь именно в XIII веке в Европе объявились куманы, куны и кумаки, гагаузы, на Кавказе — кумыки, карачаевцы, балкарцы... Выходит, что новые тюркоязычные народы в один день сошли на землю? Разве так, в один день, возникают народы? Разве так, в один день, исчезают?

Кровь половцев течет в жилах многих жителей Поволжья, Средней Азии и Казахстана. У большинства тюркских народов есть племена и роды «кыпчак». Течет наша кров и в русских. История половцев продолжалась и на Ближнем Востоке. И тоже исчезла, тоже канула в Лету.

...На невольничьем базаре в Дамаске за мальчика по имени Бейбарс дали немного — всего горсть серебряных динаров. Мальчик был крупный, ловкий, светловолосый, как и многие его сверстники, другие невольники. Но не столь красивый. Один его глаз закрывало бельмо. Зато другой глаз был голубым, о чем и поведал потом средневековый пергамент. Из половецких мальчиков в Египте воспитывали воинов-рабов, или мамелюков. Для работы степняки не годились.

Одноглазый мальчуган вырос не простым мамелюком. Искусству его не было предела. Он получил прозвище Абуль-Футух, что значит «отец победы». На Востоке столь высокими прозвищами, как известно, не кидаются. С маленьким войском рабов Бейбарс остановил движение орды на юг. Оно захлебнулось в своей же собственной крови.

Мамелюки спасли Египет и на правах сильнейшего Бейбарс взошел на трон. За семнадцать лет влады-

чества он завоевал и земли Палестины, Сирии, потом на троне Империи мамелюков его сменил половецкий же раб Калаун, династия которого правила еще 103 года. Потом во дворец пришла династия мамелюка Баркука, но уже не чистого половца, а черкеса. Правление этой династии продолжалось 135 лет.

Лишь в позднем средневековье половцы окончательно потерялись и на Ближнем Востоке, став частью арабского народа... Приток рабов с севера иссяк.

Печальны и кровавы «половецкие» страницы истории кумыков. Но они были! За них заплачено сполна. И тем непонятнее позиция: будто только в XIII веке, мы, кумыки, появились как народ. А ведь еще Н. М. Карамзин писал: «Народы не падают с неба и не скрываются в землю, как мертвецы по сказкам суеверия...»

...С гор уже тянуло вечерней прохладой, когда на дороге из Владикавказа показались русские солдаты. Конные и пешие, вереницей подходили они к Аксаю. В ауле их приходу не удивились: все знали, Россия пошла войной на Кавказ. Начинался 1817 год.

Ничего, кроме ненависти, не встретили завоеватели в Дагестане. Конечно, это сильное оружие, но его мало, а другого в Аксае не было. Кинжалы и сабли пушкам и ружьям явно уступали. Мудрые аксайцы затеяли игру с превосходящим врагом: они по примеру своих предков взяли тактику заманивания, выжидания, вынужденного мира. Точно как половцы! Известно, кто предложил эту единственно верную тогда тактику, может быть, даже и мой прапрадедушка Абдурахман, он был военным и к тому же далеко не последним человеком в Аксае.

До 1825 года вынужденный нейтралитет кое-как соблюдался. Аксайцы молчали, стиснув зубы. Однако в тот год гости стали вести себя уже как хозяева Аксая, попытались приказывать. Такого терпеливые кумыки не перенесли.

Не исключая, что случилось все в доме отца Абду-

рахмана, имя которого Асев. Гости нарушили законы Кавказа. Это было последней каплей, в руках муллы Аджи блеснул кинжал — и в России на двух генералов стало меньше. Подоспевшие солдаты вскинули смельчака на штыки, но и аульцы не оплошали — вмиг вырезали врагов до единого. Оскорблений здесь не прощают.

Забурлил окровавленный Аксай, днем и ночью все ждали ответного хода русских. И генерал Ермолов сделал его — казаки стерли аул, уничтожили бы и его жителей, но «татары», как тогда русские называли кумыков, скрылись в густых зарослях камыша, начавшихся за аулом и тянувшихся на много верст по Кумыкской равнине.

За аксайцами даже не послали погони. «Сами, как собаки сдохнут от малярии», — решили казаки, поворачивая коней.

Не сдохли. Выжили. Нашли сухое место среди болот, построили из самана дома, разбили пашни и каждый год отвоевывали у камыша пространство. Новый аул тоже называли Аксаем.

Я довольно точно могу описать местность и сам аул тех лет, кое-что знаю о его жителях. Откуда? От Михаила Юрьевича Лермонтова. Он бывал в Аксае. И жива молва, будто Бэла — наша, аксайская. Она вполне могла быть сестрой Абдурахмана, а Азамат — его братом...

И то, что Максим Максимыч и Печорин жили в крепости неподалеку, тоже вполне соответствует действительности. Я нашел название крепости — Ташкечу.

«Крепость наша стояла на высоком месте, — вспоминал Максим Максимыч, — и вид с вала был прекрасный: с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками, оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; кое-где за ней дымились аулы, ходили табуны; с другой — бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа».

Все так. Те же широкие поляны, изрытые балками, мелкая речка Аксай, кустарник. Я тоже видел их. Однако леса, что тянулся, по словам Лермонтова, до самого горного хребта, не было. Честно говоря, не верилось, что в сухой выжженной степи, окружающей Ташкечу, когда-то рос лес, уже слишком пустынная здесь ныне природа.

Но уже позже, в Москве, в библиотеке, я убедился: сомнения напрасны. Вот что писал о тех местах один путешественник в начале XX века: «Входите вы в старый буковый участок леса, вас сразу охватывает какая-то сырость и темнота. Громадные буки стоят, заслонив собой небо непроницаемым пологом и не допуская солнечные лучи...» Буковые леса чередовались с ореховыми рощами.

Вырубили, оказывается, эти дивные леса, с которыми были связаны поколения кумыков. Все под топор пустили. Лишь кое-где остались одинокие белолиственницы. Озер, лиманов, болот, плавней, где охотился Печорин, тоже нет — «великая масса живности» исчезла.

В общем экологическая катастрофа пришла на богатые прежде земли Аксая. Ничего не пощадили. Это теперь, а тогда, в прошлом веке, аксайцы жили среди другой природы и по другим законам, уважая традиции предков. Эх, если бы нынешние кумыки помнили запах емшана, белой горькой полынь-травы, которая будоражила половцам кровь и лишала их покоя, то, уверен, не позволили бы никому уродовать свою Родину.

*Ему ты песен наших спой,
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется.*

Это Майков. Напутствие гонцу, поэт вложил в уста половецкого хана Сырчана, который звал брата Отрока вернуться в родные степи.

А я вернусь к нашему аджиевскому роду. В начале 1830-х годов мой прапрадедушка Абдурахман женился, красиво женился, как положено, царская получилась свадьба. Сколько у него было жен? Не знаю. Не больше четырех разрешает Коран. Как звали старшую жену? В семье ее называли Кавуш, она была из рода Тарковских, дочерью кумыкского шамхала, правителя.

Об этих моих родственниках нельзя не сказать. Их род идет от шестого сына Чингисхана. Шамхал первым в Дагестане принял высший титул российского дворянства, но за это он поплатился властью, уступив кумыкский трон русскому наместнику. Когда-то в их родовой аул Тарки приезжал Петр I. К сожалению, род этот вымер в советское время. Выдающийся кинорежиссер кумык Эндрей Тарковский был последним шахмалом, кто по традиции рода имел бы право носить этот высокий титул.

Абдурахман Аджиев и Кавуш Тарковская славно прожили жизнь. В Аксае у них родился мой прадедушка Абдусалам.

Пришло новое поколение Аджиевых. Как положено, мужчины становились воинами. Традиция! Братья Аджиевы служили в российской армии, потому что согласно Гянджийскому трактату, подписанному в 1835 году Россией и Персией, кумыки, жившие на землях от Сулака до Терека, стали относиться к России, а южные кумыки — к Персии.

Далеко не безусым юношей Абдусалам надел свой офицерский мундир. До службы мой прадедушка закончил Каирский мусульманский университет, ходил в Мекку. Он был одним из образованнейших людей в Дагестане. Свободно владел арабским, латинским, французским, русским. Умный, рассудительный. Так что служба до поры до времени шла успешно.

Прадедушка уверенно сидел на коне, твердой рукой держал узду! Его имя — среди георгиевских кавалеров российской армии, — выбито в Георгиевском зале Московского Кремля.

Противника прадедушка рубил до седла, на две

половины. Таким же искусством в прошлые времена отличались половецкие воины, прекрасно владевшие шашкой. Иначе и быть не могло. За воинское искусство и за высочайшую порядочность братья Аджиевы служили в Собственном Его Величества конвое — в самых привелигированных войсках российской армии. Так «кумыкское» исследование привело меня из Аксая в Санкт-Петербург, к императорскому двору...

Собственный Его Величества конвой сформировали в 1828 году из кавказских горцев, среди них значился генерал Асев Аджиев, мой прапрадедушка. Но это формирование конвоем не называли, по документам он числился лейб-гвардии кавказско-горским взводом. Этот взвод показал себя на деле и сразу же получил права и преимущества старой гвардии.

С 1832 года в состав конвоя вошла команда казаков, «храбрейших и отличнейших», как записано в приказе. К 1856 году в конвое значилось четыре взвода... Понимаю, конвой — тема отдельного разговора, но завел я его лишь для того, чтобы не словами, а фактами показать, какие воины были среди кумыков! А дальше буду говорить словами из правдивого Энциклопедического словаря того старого доброго времени:

«В 1856 году конвой был перестроен, причем были образованы: лейб-гвардии кавказский эскадрон Собственного Его Величества конвоя, из четырех взводов: грузин, горцев, лезгин и мусульман. Команду (взвод) грузин повелено было комплектовать из православных молодых людей знатнейших княжеских и дворянских фамилий Тифлиской и Кутаисской губернии; горцев — из знатнейших и влиятельнейших горских семейств; лезгин — из знатнейших джарских и лезгинских фамилий Прикаспийского края; мусульман — из почетнейших фамилий ханов и беков...»

Конвой относился к Императорской главной квартире.

Видимо, такова половецкая традиция — служба во имя славы и чести. Братья Аджиевы одно время командовали взводами конвоя.

О том, как прекрасно выглядела охрана русского царя, хорошо описал Морис Палеолог в «Романе императора» — в европейских столицах столь внушительных гвардейцев при монархах не было, европейцев удивляло при российском дворе даже «...романтическое изящество кавказских одеяний...». Абдусалам охранял императрицу Марию Александровну... Им, кумыкам, Россия доверяла самое дорогое — жизнь царской семьи.

Среди других в конвое служил персидский принц Риза-Кули-Мирза и, судя по всему, у Аджиевых были с ним очень неплохие отношения, иначе как объяснить, что родной брат персидского шаха женился на сестре Аджиевых; в 1873 году он был «отчислен из конвоя с производством его в полковники» — так написано в приказе, который мне удалось найти в делах конвоя, что хранятся в Военно-историческом архиве.

Породнились Аджиевы не только с персидским шахом. Просто люди жили, общаясь с равными себе. Слово «кумык» звучало совсем не так приглушенно, как сейчас.

Одну из дочерей — прекрасную Умайдат — прадедушка Абдусалам отдал за лезгинского хана Бейбалабека Султанова из аула Ахты. И сразу же ложное представление, вбитый в наше изуродованное сознание стереотип рисуют нам этакого дикаря с южнодагестанских гор. Напрасно. Хан закончил Сорбонну и почти 15 лет жил с молодой красавицей женой в Париже, где имел врачебную практику.

Нет, напрасно кому-то понадобилось рисовать Кавказ диким и отсталым краем. Не был он таким. Строгое понятие чести, святые чувства к традициям, к предкам позволяли называть всех кавказцев настоящими кавказцами, к какому бы народу они не относились.

Двоюродную бабушку Умайдат я, конечно, не ради красного словца назвал прекрасной, она действительно была красавица. Рассказывают, что однажды бабушка упросила мужа взять ее с собой в вечерний ресторан, где собирались любители варьете. Так из

присутствующих никто не смотрел на сцену, взоры зала были обращены на жену Бейбалабека Султана...

О красоте половецких женщин в древности слагались легенды, так что бабушка Умайдат (и не только она, разумеется!) лишь продолжила наших предков, лицом своим и фигурой, повторила их неповторимую внешность.

...После убийства царя в 1881 году конвой распался.

Абсолютно ни в чем не повинного прадедушку из Санкт-Петербурга отправили служить начальником далекой крепости в Назрани, которая находилась в Чечне, вблизи родного Аксая. Следом полетело письмо о тайном надзоре, который установили за всеми участниками Конвоя. Хотя надзирать и не требовалось —

Абдусалама все знали как кристально честного человека. Поднадзорную должность полковник Аджиев быстро оставил и, — благо, было высшее мусульманское образование, — занял место наиба в большом кумыкском селении Чирюрт. Почему он не захотел жить в Аксае? Догадываюсь, были на то причины.

Видимо, раздражали местные нравы. Он стискивал зубы, когда узнавал, что родственники заставляли его молодую жену доить корову или печь хлеб. И она обязана была доить, печь, как того требовал обычай повиновения младших старшим. Доила, засучив кружевные манжеты, выписанные из Парижа. Пекла, сдабривая тесто слезами... Но, честное слово, не для того же Абдусалам украл свою Батий и приехал в Аксай.

Можно предположить и другое. Батий прекрасно владела французским, английским, русским, хуже кумыкским. Для чеченской девушки вполне неплохо! Она много читала. И любое замечание она, плохо знавшая кумыкский, вернее половецкий, быт воспринимала как оскорбление. «Представляешь, — наверняка, возмущалась она, — он поправляет мое русское произношение, забывая, что я первая на Кавказе узнала, что такое «завалинка»...» Словом, Аксай хоть и

назывался самым культурным кумыкским аулом, но не всем он казался таковым. Мой прадедушка, не забывший еще петербургскую жизнь, так и не прижился там.

Он тяжело сходилась с новыми людьми, был консервативен в общении, ценил людей только своего круга и не искал новых друзей... Не знал прадедушка, что эти черты его характера, равно как и временами приходящая вспыльчивость, раздражительность и даже ярость тоже достались кумыкам от половцев. О характере половцев достаточно точно написал в 1246 году итальянский монах Иоанн де Плано Карпини. Кстати, описанная им внешность половцев («куманов», как он их называл) тоже полностью совпадает с чертами лица нынешних кумыков.

Так что нет сомнений в том, что характер моего прадедушки (равно как и других кумыков) наследственный. Своим спокойствием, рассудительностью Абдусалам подавлял окружающих, подчинял их себе без приказов и слов, иных приводил в трепет. Его боялись. И тайно не любили, остерегаясь явно выразить свою неприязнь.

Говорят, какая-то неземная сила была в нем. Когда он шел по улице, прохожие отворачивались или прятались. Однажды на него бросилась огромная кавказская овчарка, но он ни на шаг не отошел, а лишь посмотрел на нее своим тяжелым взглядом. Бедный пес припал к земле и, жалобно скуля, пополз прочь. А прадедушка спокойно пошел дальше...

Абдусаламу вскоре показался тесным и Чирюрт. Он с семьей переехал в Ростов, потом вновь вернулся в Дагестан. После Петербурга жилось неуютно.

Прадедушка был абсолютно безразличен к деньгам, к богатству. У кумыков тогда еще в почете был человек, точнее — его происхождение, а не тугой кошелек. Князь мог быть беднее чабана, и это никого не смущало. Он — князь. И этим сказано все. Больше всего кумыки боялись не бедности — позора.

Сесть в арбу, хозяин которой низкого сословия,

считалось за величайший стыд. Или — в присутствии других сидеть возле своей жены. Или — входить в кухню... Существовал целый свод неписанных запретов и правил.

И не приведи Бог, если князь, даже случайно, выполнит какую-то работу по дому или по хозяйству, для этого были люди, целые сословия чагаров, терекменцев и холопов. Позор в первую очередь ложился на них, не сумевших вовремя помочь своему князю, у которого были свои обязанности перед народом. В кумыкских аулах общество прежде очень строго делилось на сословия. После князей шли сала-уздени — профессиональные воины, которым тоже запрещалось работать, они в мирное время оберегали княжескую особу от всяких неприятностей. И в делении общества на сословия кумыки полностью повторили половцев, с той лишь разницей, что сала-узден у тех назывался мурза или девей-мурза.

Вот что любопытно, что заставляет задуматься — среди кумыков самым большим позором считалось продавать, делать бизнес, как сказали бы сейчас. Прикасаться к деньгам, особенно детям, запрещалось... И как в этой связи не вспомнить «Истории...», написанные в XIII веке византийским историком Пахимером Греком. Как-то, рассказывает одна из них, Император Константинопольский Михаил Палеолог прислал в дар половецкому хану Казану жемчуга и драгоценные камни. Хан спросил, для чего они годны, могут ли предостеречь от болезней, смерти и других бедствий в жизни? Услышав отрицательный ответ, хан отвернулся от дара... У половцев вещи ценились не материальные!

Для торговли кумыки пускали к себе в аулы евреев, занимавшихся еще и разными ремеслами, и талышей, отличных огородников. Скот пасли горцы — тавлу...

Для уважающего себя кумыкского князя хорошим делом считалось умение добыть военные трофеи. Тоже ведь уметь надо! Правда, потом их принято было дарить гостям, друзьям, родственникам направо-налево,

и у удачливого грабителя ничего не оставалось... Обычай, идущий из глубины веков!

И столь же давняя традиция — невольницы. Сластолюбцы еще в XIX веке покупали их ради первой расправы, в Эндирей-ауле существовал даже специальный рынок, куда свозили молодых невольниц со всего Кавказа. Потом рабыню принято было отдавать за холопа или отпускать на все четыре стороны, если была на то ее воля... Мне рассказывали, что прадедушка Абдусалам не отворачивался от этого древнего обычая. И в 70 лет его огромное сердце было столь пылко и нежно, что в нем умещались даже юные красавицы, среди них — внучка Шамиля, ставшая четвертой женой прадедушки.

Лихой конь, сокол, гости, подарки, праздники, заварушки и, конечно же, женщины заботили иных князей куда больше, чем плодородие земель. То был верх самодовольства, но ради него стоило и пожить.

Природа приносила свои плоды, дававшие доходы, им радовались. Слава Богу, подарившему миру день и ночь: деления на богатых и бедных у кумыков не было. Для всех был день, отмеренный Всевышним, — у кого-то светлее, у кого-то темнее...

Хоть несколько слов, но надо сказать о том, как выглядели кумыки, — об их одежде. Видимо, и у одежды кумыков традиционные половецкие корни. Мужчины обязательно надевали туникообразные рубашки, воротничок которых признавался только стойкой. Цвета они были разного, а вот брюки, кафтаны были темного цвета. Папаха, черкеска или бешмет. Кинжал был тоже элементом одежды, он характеризовал мужчину — хороший кинжал, значит, хороший мужчина. Зимой надевали шубы, но шубы короткие и обязательно с широким низом — всадники же. На ногах круглый год мягкие сапоги.

Конечно, об одежде кумыков, вернее половцев, нужен отдельный разговор, ибо я уверен, очень мало мы знаем о ней. Наши историки не спешат рассказывать об интереснейших находках археологов. А можно было бы им давно рассказать, например, о брюках. Са-

мые древнейшие в мире брюки нашли при раскопках тюркских захоронений в районе Алтая. У половцев они назывались «шарвар».

Женские одежды отличались изяществом, наверное, поэтому наши женщины похожи на лебедушек. Не идет, а плывет, не касаясь земли. Изыщество подчеркивали шали, тонкие с длинными, словно ветки плакучей ивы, бахромами. Но больше всего кумыкские женщины ценили украшения, их носили даже маленькие девочки. Бусы, пояса, серьги, кольца в каждом роду передавались из поколения в поколение. Однако даже украшения не были культом, наши женщины ценили вещи за их красоту.

Богачом кумыки называли только человека с широкой душой, в которой есть место родственникам, друзьям и гостю, конечно. Богач — это человек, у которого море чувств и мыслей, к нему, как к роднику, тянулись люди. Прадедушка Абдусалам — по кумыкским меркам — считался богачом.

Какого-то особого состояния у него не было, но почтение людей было — в любом доме, начиная от шамхала, радовались ему, как великолепному собеседнику. А что еще для доброго человека надо?

В 1902 году, в канун своего 70-летия, Абдусалам Аджиев, человек, склонный к философским размышлениям, часто задумывавшийся о смысле жизни, поехал в Ясную Поляну, к другому склонному к философским размышлениям человеку, подарил ему бурку. Они беседовали. От Льва Толстого прадедушка второй раз пошел в Мекку...

Теперь я знаю почти точно, что было дальше, после его возвращения — по крайней мере о двух его днях. Об этом мне рассказало письмо из Баку от незнакомой женщины. Эльмира Алиевна Абасова написала об их семейной истории, которая передается из уст в уста с 1903 года.

Тогда ее дед Абдулали, еще совсем молодой человек, поехал из Баку в Аксай, который славился по всему Кавказу великолепными табунами. На аксайской площади стояла толпа людей. Вдруг все оберну-

лись на высокого человека с тросточкой, подходящего к площади. «Это был рослый, живой, несмотря на годы, человек, — пишет Эльмира-ханум. — Походка говорила о его былой воинской службе. При виде этого человека толпа стала расходиться, по обычаю уважения к почтеннейшему лицу».

«Дед рассказывал, — пишет дальше мой незнакомый корреспондент, — что Абдусалама называли небесным человеком — святым. Он подошел и, улыбаясь, сказал: «Гости из Баду — мои гости».

Прадедушка расспрашивал о здоровье своего бакинского друга Тагиева, очень известного человека в Баку. А его молодой гость больше всего запомнил обилие книг в доме и Коран в позолоченном переплете, который Абдусалам только что привез из Мекки... (К слову сказать, Коран этот уже в 1960-е годы какой-то негодяй украл у моей тетки в Махачкале).

Наутро Абдусалам сам выбрал кобылу для бакинского гостя... На пути из Аксая в Баку на счастливого обладателя молодой красной кобылы напали разбойники, жить ему оставалось считанные минуты, но тут кто-то из них увидел на кобыле тавро Аджиевых. Узнав, что перед ними гость Абдусалама, разбойники извинились, и, стремясь загладить свою вину, проводили его до ближайшего селения... Так возвращаются к нам истории прошедших лет. Ничто не исчезает бесследно. А память о человеке тем более.

Аксай, наш родовой аул, уже не кумыкский. Ничейный, как бездомная собака, ютится он в степи. Понаехали в него отовсюду. А кумыков — кого выселили, кто сам уехал. В Дагестане не осталось теперь ни одного кумыкского района! Я встречал кумыкские поселения в Тульской, Курской, Воронежской областях.

Неспокойно ныне в Аксае. Не поют теперь там наших песен, другая слышится речь. Правда, пока еще сохранилось несколько кумыкских кварталов, где

хоть какое-то подобие прежнего — чисто, ухожено, аккуратно. А так — грязь кругом. И вонь.

— Вах, не знали, что такая дружба народов получится, — от души сказал мне один аксакал.

Тысячи горских семей сперва насильственно завозились из горных аулов и расселялись по Кумыкской равнине. Причем, тавлу (так по-кумыкски называют жителей гор) выделялись лучшие земельные участки, по площади в несколько раз больше, чем у потомственных жителей равнины. Переселенцам давались такие ссуды, которые местным и не снились.

Режим максимального благоприятствования за счет другого народа привел к тому, что на равнину с гор уже добровольно потянулись тысячи семей. Кумыкские поселения лишились своих пастбищ, садов, быстро захирели. Закрылись кумыкские школы, уничтожаются культурные центры и памятники нашего народа.

Вот пример по Хасавюртовскому району, бывшему когда-то «самым кумыкским», нашим этническим центром. Лишь четверть населения здесь теперь кумыки. Да и то значительная их часть — безработные и безземельные. В Аксае, например, уже овцу не прокормишь — негде. Там нет тучных отар, о которых упоминал Лермонтов.

Кстати, раньше в Хасавюртовском районе жили не только кумыки, но и казаки. От них остались лишь названия сел — Покровское, Петраковское и другие, а самих их выселили. Было несколько немецких поселений, но немцев тоже выселили... Нет народа — нет проблем.

Сохранилась в нашем ауле центральная площадь и старинная мечеть, в которую ходили прадедушка Абдусалам и прапрадедушка Абдурахман. Правда, дом их мне показать никто не смог — забыли или не хотели разочаровывать?

Около мечети стояли сегодняшние аксакалы — боконогие мальчишки тех далеких времен, когда приходил сюда, в мечеть, мой прадедушка. Я смотрел на них, на почтеннейших аксакалов, с особой любовью и

уважением — они ведь жили уже тогда, в его время; они несут в себе крупницы его времени. Счастливые.

Аксакалы стояли в черных папахах, в черных одеждах, все в мягких кожаных сапогах и узконосых галошах. Они стояли так же, как когда-то их отцы и деды, и так же неторопливо, с достоинством беседовали.

По площади бегали куры, две коровы медленно пощипывали куст. И если бы не наша машина, оставленная у моста, то вполне можно было подумать, что XIX век давно ушел, а XX век так и не наступил в Аксае.

— Салам алейкум.

— Ваалейкум салам...

Ни о дедушке, ни о прадедушке никто, конечно, ничего не помнил, но все вдруг очень оживились, вдруг стали смотреть на меня и пришептывать: «Вах-вах-вах».

Мое московское невежество! Какой позор, разве так — с налету — разговаривают с аксакалами да еще на столь деликатную тему...

Дорогие аксайцы, по-настоящему воспитанные люди, долго не раздумывая повели меня в фотоателье, оно рядом, в сарайчике, сфотографировали, а потом показали старинное кумыкское кладбище, которое подходило к самой реке и было очень запущено — осталось всего два — три памятника на заросшей бурьяном земле. В бурьяне возились овцы и куры.

На одном из памятников по истертым русским буквам узнал, что здесь покоится тело князя Мирзы, убитого в 18... Рядом стоял женский памятник, но стоял безмолвным — все буквы стерлись.

У кумыков на кладбищах издалека видно, где похоронен мужчина, а где женщина — по форме памятника. На мужских — обычно вырезают шар. Если же умирает очень знатный человек, над его могилой укрепляют флажок или устанавливают мавзолей. Видимо, этот обычай пришел к кумыкам вместе с мусульманством.

В конце кладбища, за кустами, в сокрытии от глаз

мирских, — зиярат, — значит, святое место. Войти туда разрешено не всякому. Бог покарает неверного, если тот только задумает приблизиться.

Откинув калитку на пыльный плетень, мы, как положено, прочитали молитву и лишь тогда тихо вошли. Разговаривать нельзя.

Зелень. Два мавзолея. Несколько могил. Здесь вечный покой самых из самых почетных аксайцев... Но ни могилы дедушки, ни могилы прадедушки не было. Их покой не в Аксае.

Абдусалам умер в 1929 году, многое перевидев за свои долгие 96 лет. Умер в Темир-Хан-Шуре, ставшей уже Буйнакском. Тихо схоронили его, потому что и жил он тихо в скромном доме по улице Дахадаева. Я видел этот дом, потом его занял муфтий.

Как мне говорили, в последние годы прадедушка целыми днями читал. Он разговаривал с книгами, словно с живыми душами из другого мира, — ведь гости теперь заглядывали в дом крайне редко. Не принято стало гостей принимать.

Главным собеседником оставался, конечно, Коран. А еще, среди других, — журнал «Вокруг света», его выписывали и хранили с сытинских времен, складывали в коробки. Через эти коробки, вернее сказать, через их содержание, прошло новое поколение Аджиевых, ведь тогда к журналам в качестве приложения полагались библиотеки лучших писателей.

Утомившись от чтения, прадедушка каждый день выходил на прогулки: одну продолжительную и две короткие. В черкеске, в папахе с красным верхом, в мягких сапогах и обязательно с тросточкой в руке, он всегда, в любую погоду совершал свой моцион. Его высокая, по-офицерски стройная фигура появлялась на бульваре, словно немой протест произволу, захватившему страну. Он выходил в один и тот же час, по нему сверяли время.

А вот в мечеть ходил крайне редко, даже можно сказать совсем не ходил — не мог слушать полуграмотное чтение и толкование Корана. Его ушам были чужды слова и голос новых мулл, которые пришли на

место старых, образованных служителей мечети. Прадедушка молился только дома, в тиши общаясь с Богом.

Бедные кумыки, потомки половцев... Как же часто судьба вторгалась и рушила наш духовный мир, заменяя одни ценности на другие. Когда-то наши предки поклонялись Богу Солнца, приносили ему свои желания и дары. Они верили также в чудесную силу огня, которая очищает... Костры на сегодняшних праздниках — дань тем временам.

Всем, наверное, знакомо выражение: «Меж двух огней». Оказывается, у половцев был обычай, что всякий новый, прибывший к ним человек (скажем, посол другой страны) должен был пройти меж двух больших костров, «чтобы очиститься, дабы не принести яда». Огню доверяли также приготовление пищи — отсюда шашлык и другие блюда половецкой кухни...

Позже, в начале IV века на половецкие земли пришла благая весть об Иисусе Христе, творящем чудеса. Примерно до конца XVIII — начала XIX века — иначе говоря, почти полторы тысячи лет! — кумыки были христианами. До сих пор сохранились остатки храмов, на старинных кладбищах — кресты...

Факт католического христианства в горах Кавказа утаивается нашими отечественными историками. А жаль! Ведь он, этот факт, объясняет, почему Россия начала войну с Кавказом.

Русская православная церковь, как известно, всегда жестоко враждовала с католической. Не случайно в 1560 году, едва завоевав Астрахань, русские сразу же пошли войной на Тарковское шамхальство, государство кумыков. Десять походов следовали один за другим. И десять поражений подряд получила Россия от кумыков. Они не пустили русских в горы.

Вплоть до колонизации Россией Кавказа наш народ был христианским народом. Мусульманство стало религией мятежа, знаменем борьбы... Так что вполне возможно, поколение моего прадедушки — первое, родившееся при мусульманстве.

А кто нынешние кумыки? Мусульмане-сунниты?

Не знаю. К сожалению, за последние десятилетия духовный мир всего нашего народа очень обеднел, он не имеет абсолютно ничего общего с тем огромным и светлым миром, в котором жили славные предки... Какая ныне религия? Никакой нет. К сожалению.

...Мой прадедушка Абдусалам до последнего дня оставался верен мусульманским обычаям, дома он всегда надевал на голову турецкую феску, всегда требовал, чтобы на его столе стояли цветы — лучше всего незабудки, — и строго соблюдал обычаи.

Он умер, так и не поняв, за что комиссары расстреляли столько кумыков — его родственников, друзей, которые не совершили абсолютно ничего предосудительного, а, наоборот, были очень порядочными людьми. Или — почему запретили учиться его внукам, моему отцу и дяде? (Они, правда, потом выучились на инженеров, но не в Дагестане и прожили жизнь вдали от него). Или — почему... О-о, сколько же этих каверзных «почему» обрушилось на несчастного прадедушку!

По счастливой случайности его самого не тронули. Один день всего продержали и выпустили. Нет, не из-за возраста и седин пощадили его. Бандиты стреляли и в стариков, и в младенцев.

Еще в мирное время у него в доме долго жил сирота, брошенный родителями тавлу, по имени Махач и по фамилии Дахадаев. Чем приглянулся прабабушке Батий этот мальчишка с огромным лишаем на голове? Прабабушка моя была ясновидящей! Она вырастила на кухне доброго человека, дала ему денег на учебу — на добро он ответил добром.

Став наместником новой власти в Дагестане, Махач* выдал Аджиевым «охранную грамоту»: чья-то заботливая рука переписала послужное дело Абдусалама, перепутав даты, события, имена (я нашел в архиве это дело, исчерченное жирным красным карандашом, видно, что-то искали, а найти не могли!).

---

* Его именем названа Махачкала, бывший порт Петровск, столица Дагестана.

А чьи-то заботливые уста нашептали о мифическом турке, от которого якобы идет наш род... Все тогда спасались, как могли.

Даже фамилию нам специально перепутали. Правильно, по кумыкской традиции, мы должны были писаться Асев-Аджиевы, как другие наши родственники... Нет, только благодаря Богу мы выжили — он наградил наш род прабабушкой Батий.

Правда, выжили в беспамятстве, забыв обычаи, язык, традиции кумыков (о себе говорю!). Чего ждать вдали от Родины? От своего народа? И все-таки. Заговорил же во мне голос крови. Надеюсь заговорит он и в моих сыновьях, и в сыновьях моих друзей.

...Я даже вздрогнул, когда в Военно-историческом архиве впервые нашел бумаги, написанные рукой Абдусалама, — точно такой же почерк у моего сына, который тоже гренадерского роста, служил в армии и тоже в конвое. Невероятное стечение обстоятельств! Однако сегодняшний конвой охраняет заключенных. Службу, как и судьбу, не выбирают.

2

Любо,
терцы!

Ворога утопала в зелени. На раскидистых деревьях, посаженных еще в прошлом веке, тихо шелестела листва, и деревья казались солдатами, выставленными охранять дорогу, да так и оставшимися на своем нелегком посту.

Зеленый коридор через степь закончился неожиданно. Вдруг открылась станица Архонская: одноэтажные домики из красного кирпича, все под черепицей либо под шифером, напоминали собой тоже что-то солдатское, военное, как и многое здесь, — уж очень не по-граждански строгой была планировка станицы. Как по линейке. Ровные улицы, четкие кварталы.

Станицы у Терека и вправду строили «по линейке» — они в середине XIX века составили линию обороны, которую возвела Россия против непокорных кавказцев. Генерал Ермолов сам прочертил на карте Сунженскую линию. Ее крепости и укрепления тянулись вдоль всего Кавказа. «Для стеснения и обуздания мятежных горцев», как написано в одной книге тех лет, понадобилось заселить здешние земли воинственным казачьим племенем. Архонская — тоже «линейная», одна из многих.

Первое же русское поселение на Кавказе возникло в 70-х годах XVI века. Тогда царский воевода Лука Новосельцев заложил на Тереке, как раз против устья речки Сунжи, городок Терки и разместил там на постой войско.

Новый городок тут же принес многие беспокойства, сперва местным жителям, потом и политикам из далеких стран, имевших свои интересы на Кавказе, а потому не желавших присутствия здесь русских. Последнее слово произнесла Турция. И — русская армия отошла в устье Терека, где была заложена крепость Кизляр.

В 1735 году появилось первое упоминание о терско-кизлярском войске, костяк которого, бесспорно, составляли казаки. К этому времени на Тереке жили казаки-старообрядцы, бежавшие с Дона, обосновались здесь и отчаянные волжские казаки, «баловавшие» прежде на великой реке. Немало смельчаков радушно приняла местная вольная братия. А после выселения сюда части запорожцев, не сумевших в 1775 году отстоять свободолюбивую Сечь, казачество окончательно окрепло, заставило себя уважать, и с 19 ноября 1860 года получило желанное имя — Терское казачье войско. Людей же называли кратко — терцы...

Я приехал в Архонскую познакомиться с потомками терцев, которые мне всегда казались тайной за семью печатями, как впрочем, и все казачество, вычеркнутое из истории России с 1917 года.

В главной библиотеке страны хранится книжка некоего Н. Л. Янчевского «Разрушение легенды о казачестве», изданная в 1931 году. С тех пор о казаках больше ничего нового вроде бы и не писали. Оказывается, как утверждает названный автор, в общем-то не было в России никаких казаков, а был сброд, «деклассированные элементы», разбойники. Вот такая история...

Станичный атаман Николай Александрович Левченко поселил меня к Григорию Ивановичу Белоусу. Три четверти века отшагал он и поныне работает, а супруга его — Фекла Павловна теперь только по хозяйству и успевает. Это раньше любое дело в ее руках горело, теперь же руки из послушания вышли, медлят, не торопятся, а глаза все бы сделали.

В замечательно ухоженной хатке, построенной в начале века, я и нашел пристанище, тишину и покой.

Все здесь ухожено, начищено, каждой вещичке место есть. Справное хозяйство. Казачье.

За глухими воротами открылся двор, поперек которого стояла бричка. На ней Григорий Иванович правит по станичным улицам — кучер он, а лошадей любит, как себя помнит, с тех пор и любит. Казак! Что тут еще добавить?

Бричка — это не телега, хотя у нее тоже четыре колеса. Бричка — это произведение искусства, ценное прежде у казаков необычайно. Каждая деталь в ней, как сбруя на казачьем коне, подогнана, за века прилажена. Впрягают в бричку пару, а грузят до двух тонн. Телега не выдерживает столько.

— Переворачиваем ее на выгруз, а ей, ничего, — просвещал меня вечером Григорий Иванович, когда мы вышли во двор погустарить, — потом перепрягаем коней. И опять поехали...

— А кто делает такую красоту?

— Сами. Есть у нас плотник, он делает. Брички, колеса, все деревянное делает.

Повел меня как-то Григорий Иванович к этому деревянных дел мастеру, посмотреть на его золотые руки. Работает один, без помощников, справно работает сельский умелец.

— В бричке главное — это колесо...

Мы стояли в небольшой мастерской, пахло стружкой и свежими опилками, на полу лежали детали будущей брички, в углу стояли стопкой, словно бублики, скрученные обода для колес — сохли; я разглядывал пришедшие из веков хитрейшие приспособления и инструменты, без которых не сделать хорошую бричку, слушал о тайнах плотницких дел и думал: как же хорошо, что хоть что-то еще сохранилось в наш равнодушный век.

Брички опять спросом пользуются! Откуда только в Архонскую люди ни приезжают, заказы оставить желают. Да разве один мастер управится?

...А еще у Григория Ивановича во дворе голубятня. Он держит птиц просто так: посмотреть да послушать

их песню, когда тоска к сердцу подберется. Голубь — птица Христова.

В доме у Григория Ивановича в каждой комнате иконы. Раньше не было казачьего дома без икон. Не полагалось! Бога боялись и слушались.

Особо почитали Святого Георгия-воина, покровителя казачества. Шестое мая — в Его день — большой праздник, более полутора тысяч лет ему! И на Урале, и на Дону, и в Америке, и в Турции стопки поднимают за Святого Георгия и за его величество КАЗАЧЕСТВО — далеко по миру разбросала судьба казаков.

Еще в станице раньше был другой большой праздник, тоже христианский, но уже свой, станичный: день Святого Александра Невского. Это 12 сентября.

Приход здесь назывался — Александра Невского.

Рассказывают, красивая была церковь в Архонке, с певучими колоколами. Как заиграет колокольная музыка, «округа словно поднималась. За тридцать верст слышать было». Фундамент лишь остался от певунии — кому-то из комиссаров помешала. «Приехал какой-то на казачьем коне, в красных портках, — вспоминала Фекла Павловна, — и велел нашу красавицу по миру пустить. Нашлись антихристы — пустили».

Сейчас решили казаки восстановить храм. «Что ж, не люди, что ли, столько лет без Бога живем?»...

Собственно, а кто они такие, казаки? Откуда пошло казачество?

В Большой советской энциклопедии нахожу: «Казак, козак (тюрк, — удалец, вольный человек) — человек, порвавший со своей социальной средой (XIV—XVI вв.), с конца XV в. к. стали называть вольных людей окраин Русск. гос-ва.» И все! Небогато.

Смотрю дальше: «Казачество, — военное сословие в дорев. России XVIII нач. XX в., в XIV—XVII веках — вольные люди, свободные от тягла и работающие по найму, главным образом на различных промыслах, а также лица, несшие военную службу на окраине страны... В 1920 г. постановлением ВЦИК на

казацкие области были распространены все действующие в РСФСР общие законоположения о землеустройстве и землепользовании. Эти акты положили конец существованию К. как особого военного сословия. Трудовое К. вступило на путь социалистического строительства.»

Таково мнение крупнейших ныне специалистов-казаковедов наших А. П. Пронштейна и К. А. Хмелевского... Что сказать? Видимо, слова эти устраивают казаков, раз никто не возразил. Меня же они устроить не могли.

Что не устраивало? Теперь, когда проштудировал едва ли не всю литературу по истории казачества, могу ответить. Если кратко — ложь, облепившая казачество, не устраивает... А если подробнее, то придется начинать с неожиданного, на первый взгляд, вопроса, что в истории казачества бесспорно?

По-моему, абсолютно бесспорно, что казаки — степные жители: степь была и осталась их стихией, их вольницей, их родным домом. Во-вторых, казаки — превосходные воины, именно на коне (в прямом и в переносном смысле!) они навечно запечатлелись в судьбе нашего Отечества. И в-третьих, конечно, внешность казаков — настоящего казака не спутаешь ни с кем: голубоглазые, светловолосые, коренастые, таких большинство.

Вот я и попытался проследить историю Степи, а вместе с ней и историю казачества.

...Задолго до появления Киевской Руси существовал Дешт-и-Кипчак — Степь кипчаков или Половецкое поле, как о нем потом говорили. Но что известно нам об этой степной стране? Разве лишь то, что ее обитатели тюрки-половцы назывались «дикими кочевниками»?

И уж наверняка абсолютному большинству неизвестно, что эти самые тюрки, прежде, до II века, жившие на Алтае, слыли большими мастерами выделки железа. Именно железо дало им новое оружие и новые орудия труда, сделало их непобедимыми, а добрый конь вывел в просторы степи. «Бесспорно, что эти

пришедшие с Востока народы внесли большой вклад в распространение металлургии и металлообработки», — пишет теперь немецкий профессор-металлург М. Беккерт. Наши же историки о древнейшем «железном» центре на Алтае не упоминают. Почему?

К сожалению, слишком много страниц истории Отечества остаются чистыми листами. Лишь случайными находками довольствуемся... Так узнали про историю сабли — еще одном прекрасном изобретении. «Шешке» называли турки свое детище. Сабля в их руках стала сильнейшим оружием. А чтобы удар шашкой был резче, турки придумали седло со стремями... Стремя — тоже их изобретение, о чем повели курганы-могильники... Потом — или раньше? — появился на свет железный топор, который взяли в руки тюркские плотники и принялись рубить первые в мире избы...

Что еще приоткроет нам из своих тайн древний Дешт-и-Кипчак?

Но почему-то его обитателей русские историки всегда рисуют дикими, страшными. Разве на самом деле они были таковыми?.. А впрочем... Я лишь напомню, что писали о казаках после войны 1812 года в Европе, и многое станет понятно. А писали, что казаки дикие люди, звероподобные существа, жившие в глухих лесах: «Казаки едят сырое мясо и пьют кровь. Глаза их ужасны, волосы до пояса, бороды до колен. Пики их — один ужас». Так, оказывается, часто рисуют в истории образ преуспевающего врага. Таковы особенности людской психологии. Подобных примеров немало... Пусть же половцы* останутся «ужасными

---

* Появление половцев в Восточной Европе обычно связывают с XI веком. Но так ли это? Тогда появилось слово «половец», а не народ, обитавший со II—III века в Степи. В русских летописях этим новым словом стали называть южных соседей Руси, часто бравших славян в полон. Отсюда, видимо, «половец», т. е. полонящий, берущий в плен. Подобную трактовку высказывали еще во времена Н. М. Карамзина.

дикарями»! Простим летописцам их слабость. Простим и то, что не заметили они славного Дешт-и-Кипчака.

«Дешт-и-Кипчак была страна, — писали о ней в XIII веке арабы, — которая простиралась в длину на 8 месяцев пути, а в ширину на 6 месяцев». Ее границы на Западе проходили по Дунаю, на севере — по Москве-реке, на юге — у самых предгорий Кавказа, на востоке же они терялись далеко за Алтаем.

Страна делилась на каганаты, где правили каганы, Верховного единого правителя в Дешт-и-Кипчаке, видимо, не было. Или, если он и был, выборный.

Судя по записям, оставленным итальянским монахом Иоанном де Плано Карпини в 1246 году и французом Вильгельмом де Рубруком в 1253 году, а также по книгам арабских и византийских путешественников, побывавших в разное время в Дешт-и-Кипчаке, напрашивается вывод — здесь жили родственные народы, или, скорее, один народ, расселившийся в Степи общинами, родами. «Все эти народы имели одну форму лица и один язык, — писал, например, Плано Карпини, — хотя между собой они разделялись по областям и государям». Это были половцы.

У половцев было общинное владение землей, выборность в управлении, отчет перед общиной. Здесь многое решалось только на сходе, сообща.

Были ли города в Дешт-и-Кипчаке? Думаю, что новые находки дадут ответ на этот вопрос. Однако разве не наводит на размышление, как переводятся с тюркского названия таких старинных городов, как Киев — город зятя, Тула — колчан, набитый стрелами, Тамбов — родовое зимовье, Саратов — Сарытау — желтая гора, Бештау — Пятигорск и другие... Были города, были. Но что мы знаем о них? Что мы знаем, например, о Сарае-Берке, крупнейшим в период Золотой Орды, его объезжали верхом на коне лишь за полдня. Все-таки столица половецкой державы! Следует пояснить: то были необычные города, ибо многие дома в них были разборные. Размеры городов

менялись по сезонам года. У половцев свои понятия об удобстве города.

Между городами действовала почта, которую степняки называли «яма». Ведь у нашего народа была своя письменность, и люди писали друг другу письма! В почтовые повозки (по-тюркски «тачанки») ямщики запрягали тройки лошадей... Вот она откуда, птица-тройка, о которой писал Николай Васильевич Гоголь. Только кто помнит?

Половцы славились в мире своими замечательными ремесленниками, об этом, не скупясь, сообщали очевидцы. И находки археологов, конечно. Острокопечные шлемы, кольчуги, прекрасные «шешке», очень тонкие ювелирные украшения, войлочные ковры, замечательную одежду, которую считала за честь иметь византийская знать, делали «дикие кочевники».

Еще половцы были отличными земледельцами, уважали рыбный промысел, об этом тоже сохранились письменные свидетельства. А о том, какими они считались воинами, лучше меня, лучше всяких слов скажут русские летописи. Спасибо им.

Не знаю, кому понадобилось вот так, не боясь, унижить великую и древнюю культуру степняков, выставляя их «дикими кочевниками»? Ведь никто же из историков даже не усомнился — как можно кочевать на Восточноевропейской равнине, с ее зимами?! Климат здесь не тот, ландшафт неподходящий для кочевков. Если не запasti на зиму сена, скот передохнет... Однако, говоря об истории, о предках, мы даже не задумываемся над нелепостью собственных же слов — «кочевники», и все тут.

Говорим, например, «русская тройка», «русский самовар», «русская изба». А ведь, например, «изба» — это тюркское слово. Первые избы появились на Востоке, потом вместе с тюркоязычными половцами они стали «расселяться» по степи и лесостепи... Все это уже давно показано в археологии и не вызывает споров. Слава Богу, кроме отечественной, есть мировая наука. Поймите же, искажая истину, никто еще не приблизился к ней.

Более тысячи лет прожил Дешт-и-Кипчак, занятый войнами, миром и снова войнами, пока в XIII веке не нагрянули в степи монгольские орды, которые привел половецкий же хан Аккубуль, желая отомстить хану Котяну. И отомстил! Дешт-и-Кипчак затрещал и медленно распался...

Что же повлияло на поражение половцев? Это тоже одна из тайн Дешт-и-Кипчака. Может быть, отсутствие у них единой веры? В половецких городах люди с VI века просыпались под звон колоколов, о Христе же они знали намного раньше. «...они христианской веры», — писали арабы о половцах. Но единства веры у них все-таки не было — встречались несториане, ранние духоборы. Кроме того, были даже мусульмане, особенно многочисленны сектанты. Конечно, религиозные искания свидетельствуют о духовном величии народа, которому тесно в рамках одной религии. Но... они, эти искания, не вели к единению государства, и в этом была беда половцев!

Вторая причина поражения, мне кажется, и сложнее, и проще — отсутствие надежных союзников.

Так или иначе, но именно в XIII веке, после нашествия монгол, как утверждает отечественная наука, «исчезли» половцы, и в один день, «появились» новые тюркоязычные народы. Другие?! На Северном Кавказе это — кумыки, карачаевцы и балкарцы. Все они говорили на одном, тюркском, точнее, половецком, языке, все жили по одним законам и правилам, по половецким... Разве исчез народ? Разве так исчезают?

И на Дону, конечно, остались половцы. При власти монгол они еще неплохо держали в руках шашки — разбили в XIV веке нагрянувшего к ним великого завоевателя Востока Тамерлана. Хромой Тимур едва спасся бегством, потеряв множество людей... Но на большее половцев уже не хватило.

Почему? Что их остановило в пору, когда они вновь почувствовали желанный вкус победы? Этот

вопрос меня очень заинтересовал. И я принялся искать ответ на него.

В работе английского историка Дж. Флетчера «О государстве русском», которую он написал в XVI веке, будучи послом в России, я нашел упоминание о какой-то хитрости, придуманной Иваном Дмитриевичем Бельским, с ее помощью Москва избавилась от уплаты унижительной дани своему южному соседу. Правда, в чем состояла эта хитрость, было неясно.

Требовалось найти механизм плутовства.

Я решил, что обман был в духовной области, в религии, ведь только небесная сила могла выбить из седла честолубивых половцев. Всякую физическую силу они уже вновь ломали сами.

По-моему, русские схитрили с иконой. Божьим образом обманули половцев!

Тогда, в XIV веке, в Москве появилась новая икона, ставшая символом Москвы и названная Московской. Помните, Святой Георгий-воин на коне... Не икона то была — подарок дьявола. К такой мысли я пришел, когда обратился к житию Святого Георгия-воина.

Святой Георгий покровительствовал воинам и скотоводам, был образцом воинской верности и искусства... Впрочем, я, кажется, говорю известное. Однако убежден, далеко не всем известно, КАК он победил змия. А победил он не копьем, а «крестом и словом». Молитвою одолел зло! Вот за что Георгий стал Святым даже с мечом в руке — за истинно христианский поступок... Ибо записано в Законе Божьем «не убий».

На новой же Московской иконе этот христианский сюжет был забыт. Факт отцеубийства исказил его!..

Я, чтобы убедиться в собственной правоте, ходил за советом к реставраторам-иконографам, был в Соборах Московского Кремля. И верно: прежде, до XIV века, Святой Георгий-воин всюду изображался иначе — юношей, будто опирающимся на меч. Ни змия, ни коня, ни убийства на иконах, конечно, не было! По легенде после молитвы Георгия обессиленный и укрощенный змей падает к ногам воина, и потом спасен-

ная девица ведет змея на поводке, «как послушнейшего пса» (выражение из «Золотой легенды» итальянского агиографа Иакова Ворагинского, XIII век).

А почему столько внимания я уделяю змею? Да ведь змий или дракон, согласно преданию степняков, был символом половцев, их прародителем. Этот символ лишь еще раз подтверждал, что половцы пришли из Центральной Азии, с Востока, где образ змея до сих пор в особом почете у многих народов.

Трудно представить себе всю сокрушительную силу того морального удара, который получили степняки, занятые войною с монголами: от них отвернулся сам Святой Георгий. Бог отвернулся от них! И тут же последовал новый удар в спину — уже на Куликовом поле...

Может быть, для какого-то народа с примитивной культурой и сознанием новая икона и осталась бы незамеченной, но половцы, отличавшиеся «рассудительностью, склонностью к созерцанию и философским рассуждениям», прочитали в ней приговор Неба... Степь медленно теряла желание сопротивляться.

После Азовских походов Петра I пошло массовой обрусивание степняков: из тюрков стали «делать» славян по законам колониальной генетики.

Начались свирепые карательные экспедиции в половецкие поселения — и новые российские земли уже захлебывались в крови. Восстания и бунты половцев в XVII—XVIII веках вспыхивали одно за другим. Но все они почему-то вошли в отечественную историю лишь как крестьянские бунты, а не как освободительные войны половецкого народа. Увы!.. Вот что писал, например, историк С. М. Соловьев об окончании булавинского бунта: «...4-го ноября Долгорукий явился и сюда; воры вышли на бой, но не выдержали натиска царских войск и обратились назад в городок; победители ворвались и туда по пятам, выбили казаков из городка, гнали до Дона, рубя их без милосердия: 3000 человек пало трупом, много потонуло, иных на плаву пристреливали, а которым и удалось переплыть, то померзли... Решотова станица запылала, но это был

уже последний пожар. Дон стихнул». И таких исторических эпизодов, описывающих усмирение половцев, известно сотни...

Оппонентам, прежде чем возражать, советую задуматься сперва над вопросом: на каком языке говорили Степан Разин и Емельян Пугачев? На каком языке отдавал команды Ермак Тимофеевич? Вспомним же наконец их знаменитый клич к атаке: «Сарынна кичку», вернее «Сарынна кьоччакъ», что с кумыкского переводится как «Да здравствуют храбрецы». Вспомним и ответный клич: «Гура-а» («Бей», «Рази»), с которым воины-степняки бросались в атаку, ведомые своими атаманами.

На половецком Дону вплоть до XIX века было двуязычие: женщины и дети говорили на родном языке — на кумыкском или половецком (как угодно, но это одно и то же), мужчины же, служившие в русской армии, знали и русскую речь.

Не отсюда ли пошло мнение, часто встречающееся в литературе, в том же «Тихом Доне», что казаки обычно брали в жены турчанок? Однако, а откуда могло на Дону появиться столько турчанок? Да еще таких синеглазых?

...В ноябре 1991 года на Союзном Круге казаков в Ставрополе я рассказывал о своих архивных поисках, казаки слушали о себе со вниманием, потом до вечера держали вопросами. Однако и мне что-то перепало из информации. Подошел молодой казак (лингвист, как он представился) и буквально ошеломил меня. Оказывается, половецкий язык до сих пор сохранился кое-где в станицах Дона, только теперь он называется у казаков «домашним» языком, в котором прочно перемешались половецкие и русские слова. Подтверждение этому я нашел позже в работах профессора Антиповой Антонины Михайловны.

Но самые надежные доказательства своей версии я нашел, конечно же, у Льва Николаевича Толстого, он очень верно и точно подметил в своих «Казаках»: «Молодец казак щеголяет знанием татарского языка и,

разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татарски». Что тут еще добавить?..

Не сразу Российская империя поглотила обескровленную Степь. Как удав, медленно заглатывала добычу. Сперва всех людей бывшего Дешт-и-Кипчака презрительно называли татарами. За их речь, за их облик, за их быт, наконец. Были донские, белгородские кавказские, крымские и всякие другие татары.

Но тот, кто шел на службу к русскому царю, волей высочайшего указа получал новое имя, не «поганый татарин», как остальные, а казак*. Или даже русский (обычно это относилось к родовитым людям). Едва ли не половина русского дворянства «замешана» на половецкой крови. Но об этом поговорим позже.

Мало того, за новоявленными «русскими» закреплялись особые права и привилегии, которые отличали до 1917 года и казачество...

И если кто-то будет при мне говорить о казаках, как о беглых, «порвавших со своей социальной средой» (так написано в советской энциклопедии), не буду тому верить. Из местных вышли казаки, из половцев!

Это же подтверждает и старая добрая книга «По-

---

* Слово «казак», пришедшее на Русь из Половецкой Степи, имеет несколько значений. Впервые оно зафиксировано в русском языке в 1395 году как «козак» и означало «работник», «батрак». Потом этим словом стали называть тюркский народ, обитавший на Дону, в Запорожских степях. Этот народ в исторической литературе обычно называли половцами, но некоторые авторы (Е. П. Савельев и др.) называли еще «древними казаками» или «праказаками». Однако С. М. Соловьев под этим словом уже подразумевает только участника казачьего войска, «бездомовные люди именно назывались у нас козаками». Сперва, в XVI—XVII веках, казачье войско, как известно, собиралось только из козаков (отсюда и название), позже, в XVIII—XIX веках, в него принимались служить люди разных национальностей (русские, калмыки, осетины и др.). Так что в формировании современного понятия «казак», безусловно, участвовали и славянские, и другие этносы, но решающим, конечно же, было и оставалось половецкое начало.

пытки Московского правительства увеличить число казаков на Дону в середине XVII века», ее автор В. Г. Дружинин. Основная мысль книги — заселение Дона русскими не более, чем вымысел.

«В январе 1646 года пришла на Дон грамота, разрешающая идти на Дон и там селиться... Весной отправили первую партию вольных людей 3205 человек (дается список — из каких русских городов люди)... И сразу же началось обратное бегство их на Русь». В 1647 году прислали других 2367 вольных, но те сбежали еще быстрее. Бегство русских людей было не на Дон, а с Дона. «Мера оказалась неудачной», не приживались русские люди в половецкой среде, позже последовал указ Петра I, запрещающий пропускать русских людей на Дон, а казакам их принимать...

Как тут вновь не вспомнить Льва Николаевича Толстого и его замечательных «Казаков», российский гений очень точно подметил: «Собственно, русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видал в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах, которых казаки презрительно называют шаповалами».

Я несколько раз излагал казакам свое прочтение их истории, писал об этом в казачью газету, и каждый раз удивлялся реакции слушателей — сперва недоверие, а потом интерес. Причем разные были казаки — и атаманы, и рядовые. Но вот такой реакции, как у Михаила Васильевича Братчика, никак не ожидал: он почему-то смутился, опустил глаза, отвернулся и стал будто торопливо куда-то собираться, показывая, что наш разговор вот-вот закончится.

Мы сидели в Архонской, в душном зале, где проходят торжественные собрания (Михаил Васильевич приехал из Владикавказа специально поговорить о казачестве), я слушал, как он говорит, и поражаюсь его правильной, изящно аристократической речи, которая в редкость теперь даже для лучших театров Москвы.

А знаний у моего собеседника — на энциклопедию хватит. И еще останется. Ведь образование Михаил Васильевич получил «в мирное время», в том Петербурге, где вырос в казачьей семье — сын последнего царского атамана.

Приятные минуты. Передо мной сидел человек, своими глазами видевший настоящих казаков!

Многое я почерпнул из беседы, но и сам не молчал... Не могут казаки согласиться со своим тюркским происхождением, не хотят половцами называться, ведь столько лет внушалось русское, славянское их начало. Однако же...

— Возьмите словарь Брокгауза и Ефрона, — доказывал Михаил Васильевич, — там же ясно сказано: «Казачество составляет одно из оригинальных и крупных явлений жизни двух главных племен русского народа: великороссов и малороссов».

— Нет, не могу с вами согласиться, уважаемый, — как мог сопротивлялся я. — Казаки никогда не позволяли называть себя русскими. На вопрос: «Разве ты не русский?» неизменно отвечали: «Никак нет. Я — казак». Великороссов они называли «кацапами», а малороссов — «хохлами», и близости с ними не искали. Русскими они стали после рассказывания, в 1920 году. Вернее даже — терцов поначалу записали украинцами, лишь к 1930 году они русскими сделались.

У меня было тайное ощущение, что Михаил Васильевич все это знал уже давно и во сто крат лучше. Но он будто стеснялся своих знаний, своего огромного жизненного опыта, поэтому промолчал, не отозвался на мою реплику, а стал рассказывать о быте казаков, когда они еще были казаками.

(Для точности: казаками у половцев назывались низшие рода войск, наиболее легко вооруженные).

Многое в тот день мы открыли друг другу. Станичной жизнью всегда вершил атаман, казаки выбирали его кругом, на определенный срок. Прежде в станице много было почетных должностей, без жалования... Иными словами, казаки сохранили в быту половецкие

традиции. Все чин по чину, как у предков. Украл что-либо казак у казака, за это смерть могли присудить да тут же приговор и исполнить.

Однако совсем иным было дело, если грабили русские или польские купеческие караваны. То уже не воровством и не разбоем, а военным промыслом называлось. Чужих пощипать не возбранялось.

Хочу спросить, а знаете ли, уважаемые читатели, как звали самого первого казачьего атамана? С кого в 1570 году все и началось? У терцов мне никто не ответил, только Михаил Васильевич. Для него такие вопросы, что семечки лужгать.

Сарык-Азман! Он считается основателем Войска Донского. Он — казак номер один в истории России. Избегая многословия, лишь замечу, что слово «сарык» на тюркском языке абсолютно того же значения что и русское слово «половец».

Другие атаманы, сподвижники Сарык-Азмана, носили тоже тюркские имена; Черкас, Ляпун, Шадра, Ермак, Кабан, Татар... Все они прославились военным промыслом. И само слово «атаман» тоже тюркское — «старший», «верховод» значит... И «есаул», и «бунчук», и «майдан»...

Между прочим, я поделился бы и таким наблюдением. В казачьих станицах едва ли не у каждой семьи кличка есть, как бы дополнение к фамилии. Из поколения в поколение передается. Никто не упомнит смысл слова, но передается кличка исправно: Кучай, Бадау, Хадир, Бутуй, Черкас, Авиль и другие. А ведь это же половецкие имена... Народная память избирательна.

— Воспитывали в станицах все всех, — продолжал Михаил Васильевич. — Помню, лет 14 мне было, научился курить, иду по улице довольный. Навстречу гвардеец, так он мне такую затрещину дал, что в глазах все перевернулось и потемнело, да еще папиросу огнем в рот вставил. И думаете, этим дело все кончилось? Ничуть. Отец должен был принести гвардейцу бутылку араки — за урок и чтобы извиниться за сына. Таков был обычай.

Первая заповедь у казаков: младший всегда на поклоне у старшего. Исключений не делали.

Но старший обязан учить только хорошему. Потому что если что было не так, всегда находился еще более старший, который мог плохому учителю леща отвесить. Да так, что у того искры из глаз вылетали, — всей пятерней.

Младший не имел права закурить перед старшим. А выпить и подавно. При встрече всегда обязан был снять картуз и первым поздороваться. Сидеть в присутствии старшего вообще без разрешения запрещалось... По своим правилам жила прежде станица, по казачьи. Или все же половецким?

Вторая заповедь — взаимопомощь: «Свое не сделай, а соседу помоги». Особенно помогали погорельцам, семьям погибших казаков. «Дай до урожая», — просил сосед. И давали.

— А мог и не просить, — просвещал Михаил Васильевич. — Считалось нормальным взять у соседа картошку, кукурузу себе, на еду... Вот в степи работает семья, картошку убирает, подходит путник, набирает котелок или сопетку, и никто слова не скажет, еще и пожелают: «На здоровье». Но если взял больше этой меры — уже плохо. И высечь могут.

Третья заповедь: Бога чтить, учение Христово выполнять, предков своих второй чаркой всегда помнить: «За прародителей».

— Чтоб, не перекрестившись, за стол сесть... такого не было...

...Я на мгновение отвлекся от разговора и вспомнил престольный праздник в соседней станице. Что сказать? Уныние. Станица, где казаков уже мало, стоит чуть живая, дома разве что набок не ложатся. Церковь порушена. И фундамента не оставили. Праздник начался с богослужения по случаю закладки новой церкви. Отец Виталий, священник из Владикавказа, благословил всех молитвою. Тишина. Никто не перекрестился, лишь единицы из женщин-старушек руку ко лбу поднесли, мужская же половина едва ли не вся так и простояла руки в брюки. А стояло-то

человек двести... Уже не казаки, что ли?! Или еще не казаки? Стоят, как на концерте.

«В станице Ардон, — потом рассказывал мне священник, — хоть и действует церковь, а почитай пустой стоит. Никто не приходит, лишь наведывается». «Откуда это?» — спрашиваю. Он начал про атеизм говорить. А, по-моему, не в атеизме дело.

Во истину «все от Бога!»

Наказал Он казаков, забывших заповедь Христову: «Чти отца твоего и мать твою, — сказано в священном писании, — да благо ти будет, и да долголетен будеши на земле».

Забыли казаки корни свои, забыли половцев, надругались над «погаными татарами», русскими сделались, не ведая, что те отцы родные, а не эти. Вот Бог и наказал. За беспамятство лакейской жизнью живут — который уж век в услужении... Даже имя как народ потеряли! Слуги же.

— Конечно, своих законов как таковых у казаков не было, — рассуждал Михаил Васильевич, — их не записывали, их просто каждый знал. И выполнял. Например, закон гостеприимства. Кто ему учил?

— Жизнь.

— Да-да, конечно. Все в разумном соответствии строилось. Мальчишку в пять лет сажали на коня и сперва учили крестьянскому ремеслу. А потом, уже постарше, постигал он секреты казачьего искусства — джигитовку, рубку лозы... Но, заметьте, сперва он учился кусок хлеба добывать. Поэтому и жили мы зажиточно, что с измальства любили работать.

Я и сам примечал в Архонской* хозяйства один к одному — справные — значит, любят еще казаки землю свою. И песни петь тоже не разучились. Правда, не так, как бывало. Теперь гуртовые песни разве ус-

---

* Кстати, название страницы Архонской тоже тюркское. В Сибири, по реке Орхон жили когда-то Орхонские тюрки, видимо, здесь на Кавказе, кто-то в память о них в древности назвал поселение, в котором потом осели казаки. А слово «станция» идет от «стана», и «хутор»... поселения половцев.

лышишь? Молодежь поразъехалась, ту же, что осталась, от телевизора не оторвешь, скучно ныне живет станица. А прежде: «На каждом углу — гармошка, придут из степи и вокруг станицы гулять. Молодежь на улице не умещалась». Ныне в Архонской только хор и поет, поет голосисто, а желающие подпевают:

*Прощай, казачка дорогая,
Прощай, голубушка моя...*

— Не могу, очень трудно что-то дальше вспоминается, — промолвил вдруг Михаил Васильевич Братчик и по-стариковски устало закрыл глаза, продолжая о чем-то думать, но уже не вслух.

Я понял — пора заканчивать.

Так, кто же они, казаки? С детства я знал образ только двух казаков — один всегда с нагайкой, а другой — сельский хапуга, грабящий бедных. «Очень плохие люди, эти казаки, они рабочих нагайками били», — учили нас наши учителя.

И был в тех словах тонкий политический расчет: кому же захочется потом называть себя казаком? Уж лучше русским быть. Боялись люди даже вспоминать своих ближайших предков — как бы чего не вышло. Страхом жили. А о давних — и думать забыли.

Но, ведь, как бы ни хотели того кремлевские вожди, нельзя из казака сделать русского, узбека или молдаванина. В паспорте-то можно. Но как поменять людям кровь? Как отказаться от генов предков? Как забыть свой дух, культуру, традиции, наконец?

Чтобы не показаться голословным, приведу исследование Евграфа Петровича Савельева, донского казака, царствие ему Небесное. Евграф Петрович очень много сделал в XIX веке для казачества. Но не был услышан.

Надо сказать, что именно после прочтения его книги «Типы донских казаков и особенности их говора» появился этот весь мой рассказ. Хорошая книга...

Остается только привести цитату и сказать, что прав Е. П. Савельев, абсолютно прав.

«Население Дона в половине XVI столетия относится к четырем главным элементам древнего казачества, народа, резко отличающегося своим антропологическим типом как от великороссов, так и малороссов, то есть такими физическими особенностями устройства туловища, ног, в особенности голеней, головы и лица, которые заставляют всякого, хорошо во всех отношениях изучившего казачество, выделить природного казака из массы других народностей, даже если бы его поставить в разноплеменную толпу и одеть в несвойственные ему одежды». И весь тут сказ!

Теперь я всматриваюсь в лица знакомых и незнакомых мне людей, и если это казак, то меня тянет поздороваться и обняться с родным братом. Ибо дальше Е. П. Савельев в книге приводит сравнение внешности казаков с некоторыми народами Северного Кавказа и говорит об их «поразительном сходстве!». «Но иллюзия тотчас пропадает, когда заговоришь с ними по-русски: они ни слова не понимают».

И вот здесь Савельев не захотел ответить на вполне естественный вопрос: а зачем им, кавказцам, было понимать по-русски, если они не забыли родной, половецкий язык? Допустить мысль, что это один народ, Савельев не решился.

Хотя сам же чуть позже отмечает влияние половецкого языка на речь казаков, разбирая особенности южнорусского говора: «В настоящее время говор этот под влиянием народных школ и полкового обучения до того сгладился, что не далеко уже то время, когда он совсем исчезнет». Остается лишь добавить, что слова эти написаны в начале XX века.

Книги Е. П. Савельева, мне кажется, многое проясняют, например, почему в старинных обрядовых песнях кумыков часто вспоминаются Анна-Дон (дословно Матушка-Дон), Кырым, Кубан и другие географические объекты, лежащие далеко в стороне от моего родного Дагестана...

Как это ни кажется странным, проясняют они. и

многое другое. Например, почему наш кумыкский аул Аксай до сих пор называется «новым», а «старый» по преданию остался где-то далеко на севере. И верно — в Ростовской области есть старинное селение Аксай. Значит, вполне возможно, отсюда и вышли мои предки, спасаясь от монголов.

Невероятно, но факт, отмеченный также упоминавшимся мною путешественником Рубруком: на земле нынешнего Дагестана был только старый Эндирей-аул. Аксая в 1253 году там еще не было.

По вечерам мы рассматривали фотографии, которые Фекла Павловна хранит в полиэтиленовом мешочке. Фотографии разные: старые и не совсем. Но о каждом человеке на них моя хозяйка подробно, неторопливо рассказывала.

— Мышка забралась, пообточила, — проговорила она, взяв фотографию, на которой осталась лишь часть того, что было, ведь далеко хранились эти фотографии, там, куда только мышка и пролезет. — Вот этот — отец мой. Справный казак был.

На меня смотрел усатый молодец, подтянутый, как струна, как пружина, готовая спустить боек. И вот уже рассказывает об отце, о его жизни, так неожиданно оборвавшейся... Как-то теплее становится от этих тихих воспоминаний в казачьей хате, где в углу стоит железная кровать с никелированными шишками, на ней спал этот человек из того времени, рядом с кроватью шкаф с мутным от старости зеркалом, сюда этот человек из того времени вешал свою черкеску, бушлат... Казалось бы, ничего не изменилось в комнате с тех пор. Только нет человека! Нет казака, его потомки уже не казаки. Кацапы? Вроде того.

С 1918 по 1921 год, словно раскаты грома, гремели расстрелы в казачьих станицах. Били друг друга казаки нещадно: красные шли на белых, белые красным кровь пускали. Повоевали братья всласть, вдо- сыть. А тот, кто «в красных портках на казачьем

коне» сидел, довольный потирал руки: «Да здравствует славное трудовое казачество», — орал во все горло.

Поредели станицы, будто слепые пропололи здесь огороды, — все повывергивали. Мужчину на улице не встретить было, около станицы Архонской лес начинался, там казаки скрывались. Да от судьбы разве скроешься?

Кого не убили по приказу новой власти, выселять начали. «Вон. Куда хочешь». А скот, имущество оставляли приказывали. Голых, как соколят, увозили казачков.

В те годы на Соловецких островах, в христианском храме по приказу Льва Троцкого устроили фабрику смерти для казачества. Почти пять миллионов жизней перемолола фабрика. Деревья не растут в полный рост и в Краснодаре, там Яков Свердлов с сотоварищами уложил около полутора миллионов казаков. С терскими казаками, словно хищники, расправлялись люди Серго Орджоникидзе... Пустела тогда Россия не по дням, а по часам. И плакать некому было.

Еще свирепствовали расстрелы, когда, будто по заказу, в станицах начался голод — «без работников много ли наработаете?» В тот страшный год и природа комиссарам помогала людей губить: град выпал с куриное яйцо. Все побил. Степь черной месяц простояла. «Ни живого, ни какого...» Очень голодовали казаки в тот год.

Но не всем в станицах тужилось, иным и день моря праздником был.

— Свистуны у нас по дворам гуляли, как у себя. Потом инспекторов из города приводили. Свистунам чего-то перепало из хороших вещей... Вроде бы дурные, а на свою сторону тянули.

Быстро кончилось все и для свистунов. Пришла пора раскулачивания, комиссары за свистунов принялись. «Черные воронки» в станицах гребли всех подряд, пока план по раскулачиванию не выполнят.

Нынешний председатель архонского колхоза Дмитрий Михайлович Калиниченко тоже в ссылке побывал, правда, по собственной воле. Рассказывал, как

его, пацана восьми лет, потеряли, когда арестованную семью на вокзал везли. Так он, смышлениш, сам пошел туда, где эшелоны стояли. Приходит и говорит охраннику: «Пусти, дяденька, меня с папкой в ссылку». Пустили. А не пустили бы — погиб парнишка...

Вот так «Трудовое К. вступило на путь социалистического строительства».

Мне старики рассказывали про Бобовникова, до сих пор помнят этого садиста в кожаной тужурке. «Насажаю, говорит, казачат на лавку и расстреливаю». И еще смеялся, гадина: «У детишек голова, как арбуз, разлетается». В его руки чуть было и не попал Митька Калиниченко, будущий председатель колхоза-миллионера. Другие казачатки менее сообразительными оказались...

Видел я и копии выписок из протоколов заседаний тройки НКВД Северо-Осетинской АССР. И против каждой фамилии написано: «10 лет» или «расстрел».

...Наверное из-за троцких, свердловых, орджоникидзе, бобовниковых и отличаются теперь у Феклы Павловны фотографии — те, что старые, и те, что совсем не старые. Простите меня, дорогая братья, потомки славного половецкого племени, но предки наши совсем иначе на фотокарточках выглядят — гордость у них была, чего на современных фото запечатлеть не удастся.

Не пойму: то ли раньше фотоаппараты лучше были? То ли фотографы?

Уезжал я из Архонской той же зеленой дорогой. Но радости не было, деревья стояли будто на кладбище, через которое проходила дорога.

3

Карачаевцы

авказ величественен и прекрасен. Всегда, в любую погоду. Особенно весной, когда горы, — еще серые, непроснувшиеся, — пригреет солнце и засветится робкая зелень... С малахитовых склонов начинался здесь прежде Новый год, весенний праздник пробуждения.

Мы ехали и любовались весной. Шоссе то поднималось по склону к самому лесу, то опускалось к бурной, пенящейся реке, навстречу мчались машины, изредка попадались всадники, и тогда приходилось сбавлять скорость и даже останавливаться — перед всадниками грудились неторопливые овцы. Они давно мечтали о зеленой весне, о пастбищах. Отары занимали все шоссе... Мы ехали в Хасаут, старинный карачаевский аул, о котором «еще будут говорить во всем мире» — уверяет Осман Боташев, директор местного совхоза.

Осман — молодой директор. Всего несколько лет прошло, как этот парень, прошедший после института еще и школу Афганистана, сел в директорское кресло и взял в руки руль директорского вездехода. Крепко взял. Справился с неповоротливой совхозной машиной — хозяйство прибавило, расплатилось с долгами, а дальше... Вот, что получилось дальше, Осман и хотел показать.

Сперва — дорогу, по которой мы ехали, ее прежде не было. Он очень долго рассказывал, с какими приключениями строили эту дорогу. Говорит, строители

однажды взбунтовались, приходят и так резко заявляют ему, директору: «Все!» — отказались работать, когда трасса повернула к Хасаутской долине. Здесь, как в стене крематория, едва ли не под каждым камнем лежали останки людей: на склоне выдолблены глубокие ниши, прикрытые камнями, в них были кости.

Кто устроил на обрыве поднебесное кладбище?

— Сперва еще ничего, а вот когда нашли могилу, где сотни черепов, людей удержать я уже не мог. Позвали муллу. Все, что удалось, как положено, перезахоронили. И дорогу отвели, чтобы не беспокоить их.

Кого «их»? Осман не сказал. Но то были останки не предков карачаевцев, какого-то другого народа, вероятнее всего аланов, они так хоронили своих людей. Тюрки хоронили по-другому...

Надо заметить, что карачаевцы — загадка этнографии, об этом народе до XVII века даже не упоминалось, как будто они и не существовали. Правда, в записках генуэзца Галони Фонтибуса, проезжавшего по Кавказу в XV веке, были сведения о каких-то тюрках, обитавших в недоступных долинах, но, о каком именно народе шла речь, оставалось неизвестным.

В XVII веке чуть приоткрылась завеса над таинственным народом. Однако сведения были слишком отрывочными: карачаевцы остерегались чужаков и не вступали с ними в контакты.

А вот что писали о карачаевцах в конце XIX века: «Тюркское наречие их до сих пор не исследовано... Точно также остается неизвестным, когда и какие причины заставили этот малочисленный народ покинуть степь и искать убежища в горных ущельях среди чуждых ему по происхождению племен».

О себе карачаевцы рассказывают так: по преданию шестьсот лет назад их привел в горы легендарный Карча. Прежде они обитали в степи (эта страница истории сохранилась в народной памяти), около реки Кумы, и владели городом Маджары. В византийских летописях их называли «команы» (что полностью соответствует русскому слову «половец»).

Итак горные половцы?.. По-моему, именно таинст-

венность, скрытность карачаевцев, труднодоступность их селений повлияла на слабую изученность этого народа этнографами. А там, где точных знаний мало, там, как известно, открывается простор для фантазий. Например, как мне показалось, версиям о происхождении карачаевцев не было числа. Буквально каждый, с кем доводилось говорить, старался что-то дополнить от себя, дать свою трактовку истории.

Я не хочу ни с кем спорить, но, по-моему, самая расхожая версия, будто карачаевцы — это сохранившиеся аланы, сомнительна изначально. Ибо известно, что аланы, равно как и сарматы, и скифы, две тысячи лет назад обитавшие в прикавказских степях, были иранскими народами, пришли они из Древней Персии. По крайней мере в этом убеждают памятники их культуры, которые абсолютно непохожи на культурные памятники тюрков. Внешность этих народов тоже совершенно разная. Все разное!

...Когда мы проезжали стену-кладбище, я попросил остановить машину. В двух шагах от дороги на высоте моего роста среди прошлогодней травы виднелась нора. Нор было много кругом. Я заглянул внутрь: в полумраке белели берцовые кости...

Едем дальше, люблюсь горами, чтобы не думать о кладбище. А горы здесь особенные: голые, безлесые по южному склону и непроходимо заросшие по северному. У подножья буки, грабы, под которыми золотилась прошлогодняя листва. Выше виднелись сосны и ели, а еще выше — лишь белые вершины да темные скалы. И над всем восседал Эльбрус. Он царственно сиял, подобный серебряной короне. Даже дух захватывало от фантастической, неземной красоты.

Хасаутская долина на удивление теплая. Здесь не бывает ветра и холодов, здесь тишь, гладь да божья благодать. Вернее было так, теперь там руины.

Не пожар, не землетрясение и не чума увели отсюда людей. Американские студебеккеры, которые Советский Союз получил в войну по ленд-лизу! Они виноваты.

Тогда, ночью 2 ноября 1943 года, селение Хасаут

бесшумно окружили солдаты — свои, красноармейцы. На рассвете они начали штурм спавших домов.

Ровно в четыре часа — по приказу! — стук в дверь. Два солдата и офицер на каждый дом. Вокруг цепь автоматчиков... А где-то гроыхала война, карачаевские мужчины вместе со всеми поднимались в атаку.

— Встать! Руки вверх! Лицом к стене! Сволочи!

Кто не понимал приказа, тому помогали прикладом. Перепуганным женщинам и старухам, не успевшим толком, проснуться, не разрешали даже одеться.

— Документы!..

Дали час на сборы. Что, куда? Потом солдаты затолкали людей в новенькие студеббекеры и повезли.

Больных не брали. Их кончали в постели. Мертвых не дали похоронить. Избавлялись и от грудных детей, как от ненужной обузы. Кто выпадал по дороге из машины, того не подбирали — шедшие следом студеббекеры имели приказ не останавливаться. Давили живьем. Или расстреливали с замыкавшей колонну машины.

Праздник «Великого Октября» карачаевцы — целый народ! — встречали в пути на восток, в скотовозах, без воды и пищи... А Москва ликовала, ликовала по поводу победы в горах Кавказа... Раздавала награды...

В Карачае после той ночи не осталось ни одного карачаевца. Весь народ был на колесах.

Наверное, пыль еще не улеглась, как карачаевские земли отошли к Грузии. Грузинская речь с той поры долго слышалась в карачаевских домах.

Из Грузии гнали переселенцев, в Грузию — отары знаменитых карачаевских овец. Правда, овец, тоже — официально! — репрессированных. Их с той ночи запрещалось называть «овцы карачаевской породы», надо было говорить «кавказской породы»... За одну ночь кремлевские селекционеры вывели новую породу овец.

— Очень трудно возвращали нам скот, когда мы вернулись, — рассказывал Осман. — Мы же не можем без животноводства.

Карачаевская овца — настоящее чудо природы. Столько поколений чабанов выводило ее! Признаться, я не очень удивился, когда прочитал, кажется, у Ибн-Баттуты, что половцы тоже растили овец. И тоже только черной породы. Мясо у них очень нежное и пахнет цветами.

Кстати, до высылки, как говорят старики, во всех ресторанах, начиная от «Максима» в Париже (куда специально завозили мясо из Карачая), подавали «шашлык по-карачаевски». Ныне только за границей помнят это правильное название национального блюда тюрков.

... Около Хасаута бродила тощая отарка. Все, что здесь осталось. Поверженный аул лежит среди гор. Камня на камне не оставили стервятники, все растерзали.

По грудам развалин можно судить о прежнем направлении улиц, о месте домов. Мечеть разрушили до фундамента, кладбища заровняли бульдозером. Нарзановые ванны выкорчевывали из земли. Чем не варвары? Чем не покорение народа? Действительно, лишь руины остались среди гор.

В Хасауте есть уникальнейшие источники нарзана, прежде сюда издалека приходили женщины — омолаживаться: «Один раз умоешься, на целый год моложе будешь».

Осман узнал об источнике от стариков. Разыскал зарубежных бизнесменов, привез их сюда, позволил взять пробы нарзана. А дальше, как говорится, началась всеобщая головная боль.

Нарзан оказался очень хорошим для косметики. Эту воду нужно лишь разлить по флаконам и продавать, хоть за валюту, хоть так. Природная косметическая фабрика!

Рядом источник с целебной водой. Бери, пользуйся, лечись.

— Нам давали два доллара за литр, — сокрушался Осман. — В надежде на заработки дорогу сделали. Ничего не получилось. Гору легче пробить, чем кабинеты с их вечными согласованиями-совещаниями.

Фирмачи разбежались, говорят: «по причине нестабильности вашей экономики».

Когда мы подошли у чуду-источнику, я увидел кусок трубы, вбитый в каменную стену, из трубы тонкой струйкой сочился драгоценный нарзан и стекал в ручей. Берега покрывала не валюта — густая ржавчина.

Из консервной банки, которая валялась рядом, мы омолодились и пошли в один из домов, откуда хозяин по просьбе Османа вынес большой медный круг грубой работы. Я покрутил его в руках, потрогал пальцами сокола, вчеканенного древним мастером. Что это — щит? Символ власти? Или украшение коня? Его чабан нашел около высокогорного аланского кладбища. Того самого...

На обратном пути у нас с Османом Боташевым получился разговор, о котором нельзя не сказать. Оказывается, по преданию род Боташевых первым забил колышек в карачаевскую землю, они первыми здесь построились. А пришли не откуда-нибудь — из Тулы. Такое вот предание живет в их семье. Кстати, у кумыков тоже есть фамилия Боташевы, тоже очень уважаемая.

Тула... Боташев... Моя мысль работала стремительно, желая увязать эти два далеких и очень знакомых слова. Ну, конечно же! Василий Баташев, тульский дворянин, прославившийся на самоварах, его самовары не спутать ни с чем, по медалям, полученным на разных выставках. А не родственник ли он «тульским» карачаевцам?

Позже, в Москве, я нашел настоящую «черную дыру», в которой потерялись десятки половецких родов, впрочем заглянуть туда может всякий, достаточно открыть «Русскую родословную книгу» или «Историю родов русского дворянства», а еще лучше — полистать уникальную работу Н. А. Баскакова «Русские фамилии тюркского происхождения».

Все точно: «бота» по-тюркски «верблюжонок», а род русских Боташевых произошел от нашего, поло-

вецкого (переход «о» на «а» — норма для акающего русского юга). В XVI веке случилось это событие, тогда половецкие Боташевы стали называться русскими Баташевыми.

Чему удивляться, в те времена шло массовое обрушивание тюркоязычных половцев. Трудные настали для них времена: тогда, особенно в XIV—XVI веках, из Половецкой Степи на Русь переезжали многие аристократы, военачальники, которых теснили монгольские ханы, захватившие власть в Золотой Орде. Наши лучшие люди вынужденно покидали Степь, становясь русскими князьями или дворянами...

Очень любопытные эти книги, которые лежат в центральной библиотеке страны, они без лишних слов и доказательств показывают, куда «исчезли» половцы.

А, думаете, не интересно было читать «Общий Гербовник Дворянских Родов Всероссийской Империи», начатый в 1797 году? Исторические романы блекнут перед ним. О нем мне рассказывал увлеченный человек, историк Камиль Алиев, который в этом Гербовнике нашел то, после чего удивляться уже ничему не надо.

Там, в части V-й, помещен род дворян Ермоловых: «предок этого рода Арслан-Мурза-Ермола, а по крещению названный Иоанном, как показано в представленной родословной, в 1506 году выехал к Великому Князю Василию Ивановичу из Золотой Орды. Правнук сего Арслана Трофим Иванов сын Ермолов в 1611 году записан в Москве в Боярской книге». Так начинается история великороссийских дворян Ермоловых, ведущих свой род от половецкой знати, — дело свое они делали достойно, служили России «за веру христианскую, за сятие Божие церковь, за Великого Государя и за свое Отечество». Новое Отечество!

Из этого рода происходит Ермолов Алексей Петрович, герой Отечественной войны 1812 года, прославленный генерал, положивший к ногам России покоренный Кавказ.

Чудовищно, невероятно, но факт! Это тоже стра-

ница уму непостижимой истории половецкого народа: свой победил своих, того не ведая.

Славный потомок Арслана-Мурзы-Ермолы, будучи в Дагестане, 3-го ноября 1819 года заключил свой первый брак по шариату с кумычкой, видимо, гены его не смолчали, взбурлила кровь. Всего у него было три жены, кумычки редкой красоты — Сюйду, Тотай и Султаным Баммат-кызы. Дети генерала Ермолова носили два имени — русское и кумыкское, они воспитывались в России и впоследствии с честью пронесли славу своего рода. И своего народа, конечно.

... Как же сказочно обогатились тогда Россия, таланты текли рекой, спасаясь от монгольского варварства. Например, князья Куракины на Руси появились при Иване III, род этот идет от Ондreja Курака, который был отпрыском ординского хана Булгака, признанного родоначальника великорусских князей Куракиных и Голицыных, а также дворянской фамилии Булгаковых.

Дворяне Дашковы — тоже выходцы из Орды. И Сабуровы, Мансуровы, Тарбеевы, Годуновы (от мурзы Чета, выехавшего из Орды в 1330 году), Глинские (от Мамаю), Колокольцевы, Талызины (от мурзы Кучюка Тагалдызина)... О каждом половецком роде нужен отдельный разговор — много, очень много сделали они для России.

Скажем, об адмирале Ушакове слышал каждый российский патриот, а о том, что он был половец, знают лишь единицы: от ординского князя Редига идет этот славный род.

Князья Черкасские происходят из ханского рода Инала «в знак подданства, — записано в их родословной, — отправил к государю сына своего Салтмана и дочь княжну Марию, которая потом была в супружестве за царем Иоанном Васильевичем, а Салтман по крещении назван Михаилом и пожалован в бояре».

Юшковы, Суворовы, Апраксины, Давыдовы, Юшуповы, Аракчеевы, Голенищевы-Кутузовы, Бибиковы,

Чириковы... Чириковы, например, вышли из очень знатного половецкого рода, от Беркая, брата хана Батыя.

Поливановы, Кочубеи, Козаковы... Козаковы — это уже поздняя волна новых русских фамилий, только в 30-х годах XVII века пришли они из Орды. А слово «козак» впервые в русском языке было зафиксировано в 1395 году и означало «работник», «батрак». К этому времени на русскую сторону переходили видимо, целые княжеские роды с работниками.

Копыловы, Аксаковы (аксак — значит, «хромой»), Мусины-Пушкины, Огарковы (первым из Золотой Орды пришел Лев Огар «мужчина роста великого и воин храбрый», 1397 год), Барановы... Барановы, в их родословной написано так: «Предок рода Барановых мурза Ждан по прозвищу Баран, а по крещению названный Даниилом, приехал в 1430 году из Крыма».

Карауловы, Огаревы, Ахматовы, Бакаевы, Гогель, Бердяевы, Тургеневы... О-о, Тургенев, о них я читал с особым вниманием — мой любимый писатель — о них написано следующее: «Предок рода Тургеневых мурза Лев Тургенев, а по крещению названный Иоанном, выехал к Великому Князю Василию Иоановичу из Золотой Орды...» Этот род относился к аристократическому ординскому роду, также как и род Огаревых (их российский родоначальник — «мурза честен именем Кутламамет по прозвищу Огарь»).

Карамзины (от Кара-мурзы), Алмазовы (от Алмаза, по крещению названного Ерифей, приехал из Орды в 1638 году), Урусовы, Тухачевские (их родоначальником в России был Индрис, выходец из Золотой Орды), Кожевниковы (идут от мурзы Кожая, с 1509 года на Руси), Быковы, Иевлевы, Кобяковы, Шубины, Танеевы, Шуклины, Тимирязевы (был такой Ибрагим Тимирязев, приехавший на Русь в 1408 году из Золотой Орды).

Чаадаевы, Таракановы... продолжать придется еще долго, далее пойдут «простые русские» фамилии, а их около 300. Впрочем, русских ли? Из истории народы не исчезают! И кровь не меняют! Меняют только язык.

Верно, очень верно отметил Н. М. Карамзин, действительно: «Народы не падают с неба и не скрываются в землю, как мертвецы...» Значит, половецкий дух не исчез, он по-прежнему в наших душах.

... Когда я рассказал Осману Боташеву все, что знал тогда о половцах, он долго молчал, а потом с грустью произнес:

— За что же столько лет поганят нашу историю?

Я смотрел на Османа, на его светлые глаза, на мягкие, почти льняные волосы, на его красивое лицо, и не находил ничего, что могло бы отличить этого чистокровного карачаевского парня от его русских сверстников из той же Тулы, Курска или Воронежа.

Уверен, слишком уж опрометчивы те историки, которые сводят к одному лишь противостоянию древнерусскую и половецкую культуры. Забывают, что матушка Россия взрастала на тюркской почве: бывший Дешт-и-Кипчак — это же Золотая Орда; а та — большая часть нынешней России, вся степь и лесостепь. Из песни слова не выкинешь. Нас по-прежнему тьмы и тьмы. Миллионы, забывших родство.

И что мешает признать эту правду?

Эх, быть бы мне лучше поэтом, я сложил бы гимн Кавказу, спасшему моих предков, половцев. Но все равно не выразил бы всех чувств — мало песни, когда сердце поет. Был бы я художником, нарисовал бы огромнейшую картину.

Сперва — крупно! — я нарисовал бы мальчугана лет пяти-шести, которого видел на далекой чабанской стоянке в Карачае. Представляете, на вершине горы кошара, где зимуют овцы. Кругом ни души. Только чабан, отец мальчика, и три волкодава. Около кошары врытый столб — коновязь. Мальчишка деловито подвел коня, под которым сам может пройти, не сгибаясь, вскарабкался на столб. И вот он уже на коне. Настоящий мужчина! Поехал проверять овец, пока мы разговаривали с отцом.

С коня начинается карачаевец, с коня начинался

половец. «Кто не вырастит жеребенка, тот не сядет на коня», — учит наша пословица.

В этом мальчугане я увидел сегодняшний Карачай и завтрашний Дешт-и-Кипчак. Нам всем придется карабкаться на коня, репрессированный народ должен стать мужчиной. (Пока есть такие столбы, всегда найдется мальчишка, который подведет коня, как подводили наши деды и прадеды... все наши предки. Народу не дело так долго стоять на коленях).

Конь для половца был все! Для карачаевца — тоже!

Я ни разу не видел, чтобы кто-то в Карачае ехал на ишаке — ни старый, ни малый. Обращаю на это внимание. Как говорили мне старики, было время, в газетах печатали фотографии людей на ишаках и подпись: «Вот еду карачаевцы».

Что только не делалось, чтобы опорочить, оскорбить, унижить народ, вернувшийся из ссылки. Хотя все прекрасно знали, карачаевец скорее умрет, чем сядет на ишака.

А какие там кони. О-оо. Звери! Вороные, с длинной гривой. Конь не бежит — несется... Смеею предположить, и на то есть очень серьезные основания, что карачаевской породе как минимум тысяча лет, она из половецких табунов. Степняки ценили именно таких — черномастных, горбоносых. Я читал в старинной книге, как они водили коней в Индию, продавали дороже золота.

И этих бесподобно красивых животных тоже наказала судьба. Чуда не случилось.

В 30-е годы по приказу Буденного у карачаевцев отобрали всех лошадей, лучших передали на конезавод. И был там конь Туган, самый из самых знаменитых в Карачае, чистокровнейший жеребец, увидев которого мужчины теряли покой на всю оставшуюся жизнь.

Никого, кроме хозяина, не подпускал к себе Туган, а когда расстреляли хозяина, жеребец все равно не позволил никому на себя сесть, даже красному маршалу. Не сумел кавалерист № 1 увезти жеребца в

Москву, так и остался тот в Карачае со своим табуном и бесподобными горами.

Не знали московские всадники, что карачаевский жеребец, когда сбивает табун, близко к нему никого не подпускает. Волка увидит, как щенка, забьет, всадника — всадника. Своих верных кобылиц он не променяет, найдет их среди тысячи. Преданность — она, безусловно, досталась породе от хозяина.

Так случилось, что репрессированные табуны погнали в Грузию. Но непокорный Туган ночью выбил своих кобылиц и увел их обратно в Карачай. Поймать жеребца уже не смог никто, так и одичал он на осиротевшей, но не брошенной родине.

Десятилетиями, по каплям восстанавливали карачаевцы свою гордость, свою любовь — породу вороных, которой нет равных в горах. И не только в горах, но и на кроссовых скачках.

— А почему у вас ценятся только кони черной масти? — спросил я на Карачаевском конезаводе.

— Светлая масть — признак изнеженности, — ответили мне. — Нам с такими делать нечего.

У меня было много поездок и много встреч. Люди едва ли не обо всем здесь говорят, уточняя, до или после ссылки. Те страшные годы, конечно, специально не вспоминают, но о них здесь и не забывают.

За что же так наказали народ?

Лишь в Теберде, глядя на горы, я, кажется, начал догадываться. Вспоминалась народная мудрость: «Если в доме жена — красавица, семье не будет покоя». У карачаевцев ныне слишком красивый дом.

В 1956 году им разрешили вернуться из ссылки, а автономию в прежних границах не восстановили. Даже сам народ реабилитировали только в 1991 году. Но никто не извинился за клевету, за горе, за смерти, за слезы, которыми до сих пор плачут женщины.

Народное общество «Джамагат» («Товарищество») пытается распутать хитросплетения бериевских интриг. Выяснилось, наконец, за что беда свалилась на

несчастный народ. Оказывается, карачаевцы уничтожили в Теберде детский дом с еврейскими детьми. Но «уничтожили» только на бумаге. На самом деле никакого детского дома там не было. Также как не было отступающих частей Красной армии, тоже якобы уничтоженной «бандами» карачаевцев. Какие банды, если мужчины сражались на войне...

Приведу лишь один факт, глубоко поразивший меня: советская власть продавала за деньги дома — собственные, родные дома!!! — их хозяевам, прибывшим из ссылки. Нет денег — дом могли и сломать или продать другому.

Думаю, что на землях ныне знаменитых курортов Кисловодска, Ессентуков, Пятигорска жили когда-то карачаевцы, прежде чем уйти под натиском монголов на Кавказ. Я сам читал «Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий», написанное арабским путешественником Ибн-Баттутой, побывавшим на землях Золотой Орды в 1335 году. Там на странице 289 говорится, как предки карачаевцев, половцы, везли в Бештау старика, страдающего подagraй. Бештау уже тогда был известным целебным центром. «Беш» — по-тюркски «пять», «тау» — «гора». О Пятигорске шла речь!

Город был знаменит еще своими христианскими храмами, один из них до сих пор стоит, правда, ныне его переделали под концертный зал. Половцы в своем большинстве исповедовали христианство, на Северном Кавказе, в горах его, католическое направление.

Любопытно, сын хана Батыя, Сартах был не просто христианином, но и имел сан. Сам же Батый принять христианство так и не решился, он боялся заходить в церковь, узнав, что туда заносят покойников. Об этой малоизвестной странице биографии ординских правителей рассказал в своей книге Вильгельм Рубрук.

Из этой книги я узнал много неожиданного о духовной жизни жителей Степи. «Они превозносились до такой великой гордости, — пишет он о моих предках, — что хотя, может быть, сколько-нибудь веруют

во Христа, однако не желают именоваться христианами». Они исповедовали несторианство*, потому что (опять же из великой гордости!) искали свой путь к Богу.

Любопытно описание церкви половецкого поселения где-то на Северном Кавказе, в двух днях пути от берега Каспийского моря: «Увидел дом, над которым был крестик, я вошел с уверенностью и увидел алтарь, убранный поистине красиво. Именно по золотой материи были вышиты или настланы изображения Спасителя, Святой Девы, Иоанна Крестителя и двух ангелов, причем очертания тела и одежд были расшиты жемчугом. Здесь же находился большой серебряный крест с драгоценными камнями по углам и в середине и много других церковных украшений, а также перед алтарем горела лампада, имевшая восемь светилен».

Католичество безусловно было сильно на Северном Кавказе, и в этом убеждают детали, донесенные до нас Рубруком. Он пишет, как однажды к нему, только что приехавшему сюда, подошел молодой половец (коман) и приветствовал его латинской речью. Или такой штрих — «они расспрашивали также о великом папе, так ли он стар, как они слышали. Именно они слышали, что ему пятьсот лет».

Эта фраза, брошенная вскользь, убеждает и подтверждается, о чем у нас будет разговор, что религиозные—духовные—искания степного народа были весьма разнообразны... Таких деталей в книге Рубрика очень много, кого они интересуют, советую посидеть в библиотеке день-другой с этой книгой.

В христианстве моих предков, конечно, слышались отголоски другой, более древней веры полов-

---

* Несторианство — течение в христианстве, основанное в Византии Несторием в 428 году, утверждавшим, что Иисус Христос, будучи рожден человеком, лишь в последствии стал сыном божьим (мессией). Несториане до сих пор сохранились в Ираке, Сирии, и якобы говорят по-тюркски.

цев — святые деревья, огонь, солнце, святые камни. До сих пор о них не забыли в Карачае...

Уважение религии предков — это тоже поднятие народа с колен.

Через весь Карачай катит воды Кубань. Сюда, как улицы к проспекту, тянутся едва ли не все горные ручьи и речки. «Кубан» по-карачаевски «река».

Здесь, по долине, когда-то шли караваны, оживленное было место на знаменитом Шелковом пути. Казалось бы, что — путь? Прошел караван, и след его простыл. Однако, след оставался.

Как караванный путь связывает далекие страны, я увидел в Теберде, в замечательном музее, который как и все музеи держится на энтузиазме его сотрудников. На стенде висели платки — китайские и карачаевские. Если бы не китайская вышивка, не отличить, где чей платок. Тончайшая работа. Эти платки абсолютно такие же как наши, кумыкские. Вот и задумаешься, кто научил китайянок? Половецкие мастерицы? А может переняли это искусство сами половчанки. Тысячи километров — не расстояние для такого обмена.

От караванщиков, но уже следующих с Юго-Запада, жители Северного Кавказа и прилегающей степи узнали о европейской духовной культуре. Было это в IV—VI веке, тогда половцы склонили голову перед нею: начался обмен духовными ценностями.

О тех временах напоминают храмы, которые я видел в Кубанской и Тебердинской долинах. Сами они брошены, но роспись кое-где осталась — в начале XX века здесь еще велась служба, неподалеку жили монахи.

Как же умело наши предки выбирали место для храма! На самом гребне скалы. Ближе к Богу. И чтобы все видеть.

В ночь с 5-го на 6-е мая, в день Святого Георгия-воина, в заброшенном храме около города Карачаевска все оживает. В храм, как мне рассказывали, тайно приходят паломники. Кто они? Неизвестно, ночь

скрывает их лица. Во тьме, потому что днем запрещала милиция, загораются свечи, и люди, словно тени минувшего, молятся Святому Георгию-воину, своему тайному покровителю, милостливому к половцам-тюрькам.

По примете, которая жива в народе, во вторник — в день Георгия — половцам нельзя было начинать какое-либо важное дело. Тяжелый день! Древнюю примету не только помнят, но и незаметно для себя стараются не нарушать, все-таки — дети половцев.

Откуда эта примета? Не знаю. Видимо, память о каком-то очень тяжелом дне, который пришелся именно на вторник, жива до сих пор. Как жив в сознании карачаевского народа и светлый образ Святого Георгия-воина...

Вот что еще пишет очевидец, уже упоминавшийся мною Рубрук:

«Я спросил: «Как они верут в Бога?» Они ответили: «Мы веруем только в единого Бога». И я спросил: «Веруете ли вы, что Он дух или нечто телесное?» Они сказали: «Мы веруем, что Он дух». Тогда я спросил: «Веруете ли вы, что Он никогда не принимал человеческой природы?» Они ответили: «Никогда». Тогда я спросил: «Почему же вы делаете для него телесные изображения и в таком количестве?» (Речь шла о половецких идолах, — М. А.). Тогда они ответили: «Мы не представляем в них изображение Бога, а когда какой-нибудь богач умирает, то или сын его, или жена приказывают сделать изображение умершего и ставят его здесь, а мы чтим его, в память его».

Из сказанного выходит, что идола, которых много после себя оставили половцы, никакого отношения к религии не имели. Примитивной религии не было!

Или вот еще один штрих, который тоже позволяет судить о духовной жизни половцев: «Они признавали, что Римская церковь — глава всех церквей, и что они сами должны были бы принимать патриарха от папы, если бы проезд к нему был свободен».

Подобных штрихов в исторической литературе встречается много... Религиозные искания!!

Лишь во второй половине XIX века, после русской колонизации, в Карачае утвердилась мусульманская религия, религия протеста. В ту страшную своей несправедливостью войну, от отчаяния и бессилия кавказские христиане обратились к Аллаху, у него (через турецких посланников, разумеется!) стали просить защиты и сил. Таково было условие турков, иначе быть бы Кавказу без их военной помощи.

Карачай один из последних на Кавказе простился со старой верой.

Добай Музуевич Джукуев рассказывал мне, как это было. В их аул приехали вооруженные кумыки и сказали об Аллахе, которому теперь надо поклоняться. Потом они закололи всех свиней в ауле и сожгли их. Приспособили под мечеть один дом и заставили всех ходить туда. Не пришел — плати штраф рубль... Так потомки половцев становились мусульманами. Рассказчику можно верить, слава Богу, ему 107 лет.

Аксакал! Честное слово, настоящий аксакал, как приятно было с ним говорить. Пусть он живет еще сто раз по столько же. Добай Музуевич сидел на зимней веранде, когда мы пришли к нему, грелся у электропечи и думал о чем-то своем.

— Давно не был у вас в Дагестане, — сказал он мне. И добавил, довольно потирая руками, видно, вспомнив что-то, — в молодости ходил к вам лошадей угонять.

Он говорил с сочным кавказским акцентом, красивыми получались слова. Но громче и яснее слов говорили его чистые, выразительные глаза. Не глаза, а два глубоких колодца... Что аксакалу надо, кроме внимания?

— Да-а, — протянул он, — были времена. Вы что знаете о них?

— А что можем мы знать, если нам никто о них не рассказывал?

Мы говорили с почтеннейшим Добаем Музуевичем о его молодости, о карачаевцах, а разговор то и дело уходил от Карачая, потому что Карачай же не изолированная планета.

Он спросил, хитро шурясь:

— В Дагестане шамиля танцуют на свадьбах?

Я не знал, о чем идет речь, и попросил показать танец. Он встал, вскинул руки, и стало ясно — лезгинка.

— Только ее и танцуют.

— Э-э, я так и думал, — брезгливо произнес он, опускаясь в кресло.

Оказывается, прежде настоящие турки не танцевали этот «дикий, некультурный танец», как отозвался о нем аксакал.

— А что нам надо было танцевать, почтеннейший Добай-агау?

Он опять встал, расправил плечи, отчего даже показался выше ростом, гордо вскинул голову и — о боже, старик на моих глазах вдруг превратился в орла. Я не поверил своим глазам, попросил повторить. Он повторил с еще большим удовольствием, уже напевая мелодию. Глаза его блеснули... Он показывал русскую кадрили! Вернее, древний половецкий танец «абезек». Нам полагалось только его танцевать на свадьбах.

Еще в карачаевских селениях, как наверное, и в половецких станах танцевали «тюз тепсев» — малую кадрили. Наши предки любили и другие танцы — «жерме» и «индербай». Кто знает, не от них ли родились «казачок» и «русский хоровод»? Ведь ничто в мире не пропадает бесследно.

Казалось бы, танец, а как много может он рассказывать. «Шамиль» пришел вместе с мусульманством, став символом новой веры...

Я, разумеется, не против новой веры, не против новых танцев. И, чтобы не быть неправильно понятым, скажу: я глубоко преклоняюсь перед Аллахом, перед Его величием встаю на оба колена. Понимаю, что я слишком мал и ничтожен, чтобы сметь говорить о Нем. Но ведь на Северном Кавказе настоящего мусульманства 70 лет не существовало, оно было очень формальным, его лишь условно можно называть религией. Власти запрещали людям общаться с Богом десятиле-

тиями давили нравственность. Что могло вырасти в этих условиях? Никто же не соблюдал обычаев. Считанные единицы читали Коран, да и то на русском. Толковать Великое Писание Магомеда вообще вряд ли кто мог — все были без соответствующего образования. Семьдесят лет так было. Лишь в последние годы вспомнили о Всевышнем. «О-о, Аллах велик!»

Но кто вспомнил? Вчерашние коммунисты?.. Они же не верили Ленину, а кто докажет, что они вдруг поверили Аллаху?

По-моему, религия для человека самое святое из святых, здесь невозможен даже намек на обман. Это же мораль общества, его фундамент, основа духа и нравственности.

...О Прикаспийской провинции Римской католической церкви здесь у нас упоминалось. В отечественной же истории о ней нет ни слова — а жаль. Почему этот факт старательно скрывается отечественными историками? Дам свою версию.

Православие и католичество, как известно, всегда в постоянной вражде, хотя и те и другие — христиане. Едва завоевав Астрахань, в 1560 году Россия впервые пошла войной на Кавказ. Тогда еще независимый Кавказ!

Было десять подряд походов на Тарковское шамхальство — государство кумыков — и десять поражений получили русские: в горы они не прошли. Тогда Россия, видимо, пошла на хитрость: подорвала католичество изнутри. Через иных горцев «привила» новую религию, сменила адаты на шариат. Словом, разрушила изнутри кавказское общество, которое набожным, кстати, никогда не было. Как только план удался, началась Кавказская война, которая известно чем закончилась.... Так я думаю о той войне.

Возможно, я слишком по-своему понимаю события. Но это мое законное право, таково мое видение истории. Как, впрочем, есть право оппонентов придерживаться другой точки зрения. Утверждать можно что угодно — в споре важна система доказательств. И факты, конечно. А они у меня есть...

Гостя карачаевцы прежде встречали барашком, но была весна, и резать отощавшую скотину не имело смысла. Мы ели плов, который приготовила жена Сосланбека из сушеного мяса, тоже очень вкусно.

Сосланбек Джанибеков — директор школы в селе-нии Учкулан. Дивное место. Там, в долине, сомкну-лись два ручья в одну прекрасную реку по имени Кубан; а горы там — до самого неба, и как на ладони виден Эльбрус; там ночью звезды величиной с кулак и их можно достать рукой, нужно лишь подняться на вершину и привстать на цыпочки... Вот где стоит селение.

Неподалеку два других селения, тоже очень древ-них — Хурзук и Карт-джурт. Эти три аула — этниче-ский центр Карачая, они классические поселения тюрков. Рядом археологи нашли захоронения — тоже половецкие, курганные, XIV век!

Сосланбек родился и вырос в Учкулане, лишь на годы ссылки покидал свою родину. Может быть, поэ-тому ему здесь все дорого. Он сам в школе организо-вал музей — чего там только нет. Домашняя утварь из прошлого. Фотографии тоже из того времени. Все это неторопливо, чтобы растянуть мне удовольствие, он показывал и рассказывал, пока жена готовила плов.

Ветер прорывался в музей сквозь выбитые стекла и приносил уличные запахи, которые лишь дополняли память о былом. Ведь того Учкулана больше нет, он весь уместился в музее, в одной комнате старого школьного дома.

Селение было на четыре тысячи семей, ныне нет и десятой части. Руины. Каждый квартал когда-то был как отдельная деревня, где жили только люди одного рода. У них было все свое — лавки, пасеки, мельни-цы, даже кладбище.

Я без особого удивления узнал, что в Учкулане был квартал Аджиевых. Без удивления, потому что знал кое-что о своей фамилии из книг. Вот древняя тюркская легенда:

«Когда-то вблизи Алтая кочевали племена древних тюрков, пришло время, вождь их умер и оставил все

двум сыновьям. Однажды братья поссорились, младший по имени Шад, схватил кинжал и бросился на старшего, но не убил его, а только ранил. Опасаясь мести, Шад сбежал из племени, взяв с собой рабыню, из-за которой и поссорились братья. Он ушел далеко, где была большая река и много деревьев. Вскоре к нему пришли семь его родственников, одного из которых звали Аджилад, остальных — Ими, Имак, Татар, Байндур, Кыпчак и Ланиказ. Когда земля разукрасилась и потом снег растаял, они узнали от путников, что на их племя напали враги, что старший брат убит. Шад, услышав эту тяжелую весть, вернулся в племя, собрал людей, которые прятались по лесам, и отомстил врагам за смерть брата. Его племя быстро окрепло, разрослось, и от него отделилось семь других племен по имени названных семи человек... Так пошли по земле тюрки».

Судя по этой легенде, Аджи — один из древнейших тюркских родов. Имя мне не раз встречалось в литературе о половцах: Абаджи, Атаджи, Аджибей, Аукаджи, Аджибал.

Часто его произносили и здесь, в Учкулане. Была даже, как мне рассказывали, примета — если встретишь на дороге Биджиева, поворачивай назад, пути не будет. А если встретишь Аджиева — это к удаче. Так половецкий народ отдавал дань уважения древнейшим родам.

Слава горам, сохранившим то, что всюду давно уже уничтожено. Или забыто.

...Мы с Сосланбеком сидели в его прекрасном новом доме и неторопливо беседовали, попивая чай. Сосланбек мастер рассказывать, память у него отменная, ни одной детали не упустит.

— Сосланбек, что ты можешь сказать о карачаевских Аджиевых?

— Очень уважаемый был род...

Как выяснилось, в карачаевских селениях не простые люди обитали. Очень даже не простые. Абсолютное их большинство было высоких кровей — уздени.

По-русски — князья, аристократы. Хотя внешне эти люди ничем не отличались от простолюдинов.

Князья сами пасли и доили коров, овец. Сами строили себе дома и готовили пищу. Слуг — кулов — у них не было. В редкой, лишь зажиточной семье держали батраков. Бедно жили князья: горы не могли прокормить всех, они лишь уберегали от врагов...

— Так вот откуда пошла поговорка: «На Кавказе что ни гора, то князь», — воскликнул я. — Вроде бы абсурд. Но лишь для непосвященного!

А все было очень просто, как и бывает в жизни. Впрочем, я уже вскользь упоминал об этом.

Когда в XIII веке монголы захватили Дешт-и-Кипчак, половецкая знать, конечно же, не успокоилась — не могла признать поражение. Тогда хан Батый объявил охоту на знатных людей. Простолюдинов монголы не трогали, по крайней мере не убивали, а продавали в рабство. Собственно, эта охота и вошла в историю как монгольское иго.

Половецкой элите судьба дала на выбор три пути — на север или на юг. В крайнем случае на запад.

Те, кто принял северную дорогу, стали российскими дворянами. Простившись с именем своих предков, они крестились в православие, а потом верой и правдой служили поколениям русских царей, искали славу России.

Кто пошел западной дорогой, почти все погибли, обманутые местными правителями. Выжила лишь небольшая часть в Венгрии. Да те, что ныне называются гагаузами.

Князья, не пожелавшие терять свое имя и свободу, отправились на юг Дешт-и-Кипчака (тогда уже Золотой Орды), поближе к диким горам Кавказа, чтобы там укрыться от наседавших монголов.

Половецкие князья, их военачальники (мурзы) в отличие от своих «русских» родственников вынуждены были научиться пасти отары, возделывать поля. В диких горах у человека заботы совершенно иные, чем в городе.

Они выжили! Выжили, несмотря на окружение

враждебных племен, своих новых соседей. И не просто выжили, но и остались князьями, узденями.

Благородство души, величие духа, ум, искренность отличали истинную интеллигенцию во все времена и у всех народов. Люди давно заметили, что эти качества — выражаясь по-научному, «мотивы поведения» — наследуются, они от Бога.

Если человек хоть раз изменит долгу чести, он уже не интеллигент, общество выбросит его и никто не простит.

Сейчас — «самое дорогое у человека это жизнь...» У наших предков самым дорогим была честь. Ах, о чем говорить?..

— Спасибо, Сосланбек, очень вкусным был у тебя плов.... Извини, если что не так сказал. Как говорит пословица: «Аджиевы не могут без пятачка». Видимо, так оно и есть.

4

Христиане
из прошлого
тысячелетия

М

урада Магомедова в Махачкале не было. Говорят, летом его всегда трудно застать в городе, что, впрочем, и неудивительно, он же археолог, а археологи летом в поле, в поиске, и если что-то находят, потом весь год живут только этим, тщательно исследуют находки, показывают друг другу на конференциях, а в свободное время пишут статьи и книги.

Книга Мурада Магомедова* попала ко мне случайно, и в счастливую минуту; она на сей раз привела в знойный Дагестан, а потом в кумыкское селение Чирюрт... Чирюрт — селение как селение, ничего особенного, в нем я бывал и раньше, бывал, как многие, ни о чем не догадываясь, ничего не ведая. Не задумываясь даже, что означает слово «чирюрт».

Там, где сомкнулись равнина и горы; там где буйный Сулак утихает и его берега покрывают песок с галькой; там, где кончаются горные дубравы и начинается степь, прикрытая редким кустарником; там, на границе двух миров — равнины и гор, — нашел себе место Чирюрт.

О его почтенном возрасте ничто не говорит: смотри — не увидишь. Скорее наоборот, все говорит о его молодости. Поэтому-то, видимо, я и проезжал мимо.

---

* Магомедов М. Г. Живая связь эпох и культур, 1990.

Небольшая ГЭС. Кого она увидит в конце XX века? Как и ее водохранилище, кажущееся заросшим озером среди гор? Одноэтажные домики с их обыденным обликом, выглядывающие из зелени садов, тоже совсем не архитектурное чудо, ради которого стоит останавливать машину. Даже мечеть, сверкающая краской, смотрится точно так же, как любая другая сельская мечеть — их ныне предостаточно в Дагестане.

Словом, в Чирюрте все будничное, простое. Правда, в названии слышится птичья игра звуков — чирюрт, чир-юрт. «Чир» по-тюркски «стена», а «юрт» — «селение», выходит «стена у селения». Или «селение у стены». Но что это за стена?

О ней-то я и узнал в Москве, из книги Мурада Магомедова, тогда и захотелось посмотреть все самому. Показывал стену Зайналабид Батырмурзаев, ученик Мастера, сельский учитель и блестящий знаток истории Дагестана (наверное, мы доживем до того времени, когда сможем познакомиться с его замечательным трудом). Зайнал привез меня в Чирюрт, и словно по райскому саду, долго водил по выжженной земле, оживленно рассказывая и рассказывая.

Поток сведений обрушивался водопадом, и — что ценно! — иные исторические факты можно было тут же, на месте, проверить, потрогать руками, например... Потрогать руками время, — о таком только мечтают.

...На окраине Чирюрта один из переулков заканчивается шлагбаумом: кто-то перегородил улицу, чтобы скот не уходил к горе. За шлагбаумом — степь и каменистый проселок, подернутый низкой травой. Проселок взбирается к подножью хребта и теряется за ним.

Хребет, вернее его гребень, очень необычный. Его при сотворении неведомые силы разрезали вдоль, и южная половина от этой операции сползла вниз, отчего другая, северная половина, получилась с одного бока отвесной — неприступной стеной.

Подрезанным выглядит склон на самом верху. Его-

то еще в давние времена и не оставили незамеченным. Не случайно именно здесь более полутора тысяч лет назад появился город, один из первых на Северном Кавказе. Лучшего места не придумать: просторная километровая площадка, позади нее неприступные горы, сбоку река, а впереди бескрайняя степь, уходящая за горизонт. Вся как на ладони.

Древние строители лишь завершили то, что не успела природа: чуть продолжили горы. Примерно на километр тянется массивная стена, та самая, которая позже дала имя Чирюрту.

Сам же город назывался иначе — Беленджер. Он был вторым по величине и первым по назначению в покрытой тайнами Степи, там жили берендеи, так называли его жителей-тюрок..

Собственно о Хазарии, о ее городах и людях известно немного. И долго не знали, что в этих знаниях достоверное, а что плод воображений: легенды и факты в науке — далеко не одно и то же. Мурад Магомедов своими раскопками, кажется, открыл еще одну забытую страницу в истории человечества. Нам остается лишь прочитать ее. И поспорить. Ради истины, конечно.

Тем более, что о Беленджере ученые спор вели давно. Этот цветущий город упоминался византийцами и арабами, о нем хорошо знали римские, а потом и генуэзские купцы. Однако из наших современников никто не ведал, где находится город из легенды, что стало с ним? Следы его, казалось, навсегда стерло время, как и память о самих тех временах.

Высказывалось даже мнение, что этого города никогда и не было. Мол, Беленджером древние называли территорию нынешнего равнинного Дагестана.

Город-миф? Что ж, были и такие. Собственно, вся Хазария долго была скорее мифом, чем реальностью. Слишком мало, ничтожно мало сохранилось о ней сведений. Все утеряно.

Долго, по единичным камушкам из архивов, словно мозаику, историки воссоздавали картины жизни

Хазарии, чередуя мифы с реальностью. Как бы забывая, что без материальных подтверждений, без фактов любая, даже самая правдоподобно написанная история будет не более чем гипотезой. Пред-по-ло-же-нием! Ведь письменные свидетельства противоречивы, как и люди, оставившие их.

О Хазарии знали только по письменным источникам. Считалось, что следов материальной культуры древнего народа не сохранилось. Впрочем, их никто по-настоящему и не искал, эти следы. По крайней мере, о серьезных подготовленных экспедициях на земли Хазарского каганата слышать не приходилось. Так что едва ли не все прежние «хазарские» находки — случайные, они могли быть, могли и не быть...Мурад Магомедов стал Колумбом хазарской земли. Но, хочется думать, главное его открытие еще впереди.

В древнем мире Хазарию называли не страной, не государством, а каганатом. Называли по имени кагана, он был у тюркских народов князем князей, их верховным правителем. В степях Европы и Азии, куда пришли тюрки почти две тысячи лет назад, насчитывалось несколько их каганатов. А все вместе каганаты носили одно имя — Дешт-и-Кипчак, что, как известно, означало «Степь кипчаков или Половецкое поле»

Хазарский каганат возник, очевидно, сразу же после походов гуннов, разрушительным смерчем пронесшихся по степям Азии и Европы. Сейчас доподлинно известно, что гунны пришли с Алтая и говорили на тюркском наречии, что их внешность, образ жизни были типичными для тюркских народов. В сочинениях латинского историка Аммиана Марцеллина кое-что сохранилось о жизни таинственных степняков, у которых «молодежь, с раннего детства сроднившись с верховою ездою, считает позором ходить пешком». «Гунны приросли к коням», воюют только на конях, их время — II — IV век нашей эры.

Однако у других, не менее именитых ученых древности, у того же Геродота или Страбона, о гуннах несколько иное мнение, иная точка отсчета их биогра-

фии, они полагают, что первые племена тюркоязычных гуннов появились в Степи в VII — VI веках до нашей эры, однако я в это слабо верю.

Существуют и другие гипотезы истории Степи. Нет лишь одного — того единственного варианта, который полностью бы соответствовал истине. Свое весомое слово не произнесли археологи.

...Когда мы открыли скрипящей от ржавчины шлагбаум и вышли из Чирюрта, появились аульские мальчишки, постояли, посмотрели вслед, но за ними не пошли: они знают, что интересно в их округе, а что нет.

Идем по иссушенной до звона земле. Сухая низкая трава цепляется за брюки. Из-под ног взлетают кузнечики. Едва ли не на каждой колючке белыми монетами висят улитки... Ни зверя, ни птицы в такую жару. И вот из-за бугра открылась стена, сложенная из серых увесистых камней...

Стена начиналась у горы и тянулась вниз к реке. Внушительное сооружение! Шириной метров шесть, никак не меньше, а высотой... Трудно сказать, какова высота стены, ведь значительная ее часть под землей. На поверхности оставалось два-три метра бывшего величия.

Подходим ближе, я сам убеждаюсь, что камни «сидят» на глиняном растворе, как сказано в книге, и «сидят» прочно. Ни один не поддался. Однако испытывать судьбы здесь нельзя — камни лучше не трогать, на них можно только смотреть, ведь между ними порой прячутся от жары фаланги или скорпионы.

Кое-где стену разрушили — совсем свежие проемы видны то здесь, то там. Они как раны.

— Так теперь берегут память предков, — с досадой заметил мой провожатый Зайналабид Батырмурзаев.

Оказывается, иным жителям Чирюрта лень стало заготавливать камни при строительстве домов, они и повадились в археологический заповедник, в древнее

хазарское городище.. И стоило ради них открывать Беленджер?

Наши предки берегли стену: тело ее через каждый метр выслано слоем камыша. И был в том великий резон! Так «дикие кочевники», основавшие город, отводили от постройки разрушительную силу землетрясений, потому что камышовые прокладки есть не что иное, как, выражаясь техническим языком, антисейсмические пояса. Вот почему в горах сохраняются, например, древние башни, дома, стены и не сохраняются — рушатся! — современные постройки.

Вокруг Беленджера когда-то высились сторожевые башни, они стояли вдоль стены, правда, теперь от них остались лишь округлые фундаменты. Заботливые потомки, снесли и башни. Снесли тогда, когда еще никто не знал о погребенной здесь первой столице Хазарии.

А всего только в междуречье Сулака и Терека выявлены 15 крупных городищ и мелких поселений «кочевников». Здесь проживали тогда берендеи. Все эти находки (остатки городищ, крепостей, поселений, могильников) объединяет одно — они, бесспорно, тюркской культуры, которая главенствовала в Степи уже к началу раннего средневековья.

И как часто случается, чем лучше узнавался предмет исследования, чем больше открывалось археологам находок, позволяющих «потрогать время», тем чаще развевались мифы о Хазарии, отлетали как шелуха от ореха.

Например, доказана явная ошибочность утверждений Л. Н. Гумилева, нашего крупнейшего специалиста по Степи, о разливах Каспийского моря, якобы смывших древнее государство и его следы. Ничего подобного!

На подобных «концепциях», оправдывающих отсутствие его величества Факта и дающих простор воображению, к сожалению, строилась «история» Хазарии. И не только Хазарии!

...Стену в Чирюрте, судя по всему, возводили долго. Когда присмотришься, замечаешь, что верхние

камни обработаны иначе, чем нижние. И уложены по-другому — у каменщиков тоже бывает свой почерк. Надстраивали стену по крайней мере дважды, как того требовал город, раскинувшийся по обе стороны реки. Беленджер рос очень быстро, его экономическое значение было велико, и без массивных оборонительных сооружений покой города был бы непрочен.

Когда я спросил Зайналабида о системе обороны, он будто ждал этого вопроса и повел куда-то от стены.

— Вот здесь мы нашли выносные башни. Они были когда-то намного выше сторожевых. Такие же башни стояли и вон там, за рекой?

Он показал рукой вдаль. Однако я увидел лишь холмы, поросшие травой; он в этих холмах видел башни, ушедшие в века.

Там, за рекой, тоже делали раскопы. Зайналабид не одно лето провел за этой работой, чтобы увидеть унесенное временем.

— Мы много копали, и много нашли. Но наши находки лишь капли в море.

Культурный слой в Беленджере — это три метра, как мне показалось, насыщенных керамическими черепками. Кое-где черепки попадались прямо на поверхности, будто кто-то специально расколотил караван глиняной посуды и рассыпал осколки, где опало. Мы ходили прямо по ним.

Здесь, у спуска к реке, когда-то жили ремесленники. Иначе откуда столько черепков? Откуда печи для обжига керамики? Мало того, неподалеку обнаружены и металлургические печи VI века, ведь «дикие кочевники» считались неплохими железоделателями. По крайней мере равных им на Кавказе не было. Сабли, шлемы, кольчуги, железные инструменты прославили Хазарию в древнем мире. Далеко гуляла о ней слава.

А еще мы смотрели курганы. Самые большие достигали пятидесяти метров в диаметре. Целые горы! Не верилось, что и они рукотворны. Однако стоило

опуститься в раскоп, чтобы убедиться — действительно рукотворны.

Раскоп — это яма, глубиной метра три-четыре, которая заканчивается боковым коридором в погребальную камеру, похожую на кочевую кибитку — такие же сводчатые потолки, в ней нашли много домашней утвари, одежды, украшений... Все так, но в чужую могилу влезть сможет не всякий.

— Здесь были находки дороже клада, — сказал Зайналабид.

Да я и сам понимал, что из этих вещей «любезно» оставленных грабителями могилы, ученые выуживают куда больше информации, чем из золотых украшений, пусть даже очень тонкой работы и очень древних.

К сожалению, все курганы в Беленджере разграблены. Первыми потревожили их покой арабы, в 723 году захватившие этот богатый город. По преданию, золото из Хазарии они вывозили на арбах... В курганах грабителям было что поискать, ведь сюда переносился «дом» умершего, все его любимые и дорогие вещи, которые, как считали соплеменники, должны были еще послужить ему после смерти.

Можно долго любоваться найденным здесь оружием и поражаться точности слов римского историка Аммиана Марцеллина, писавшего о гуннах: «Из оружия наиболее употребительны меч, лук со стрелами, снабженными костяными наконечниками, и аркан». Именно это оружие и сохранилось в курганах.

Правда, то, что Марцеллин называл «мечом», у нас принято называть «шашкой». Это оружие, незнакомое европейцам, придумали стрепняки, оно помогло им тогда покорить степной мир... Кольчуги, железные панцири тоже — заставляют задуматься об искусстве половецких ремесленников, все-таки VI век!

А стрелы? Разве они не произведение инженерного искусства? Встречаются двух и трехлопастные. Встречаются с железными и костяными наконечниками. На любой вкус. Любых размеров. Такие стрелы, как нож масло, пронизали медные доспехи алан, главных соперников половцев в обладании Степью. Стрела не

летела, а неслась со свистом навстречу цели. И тот свист был лучшей песней для моих предков.

К новым стрелам понадобились новые луки. Все-таки технический прогресс! Половцы придумали и их. Да так, что равных этим лукам не было в мире. Это совершеннейшее оружие вошло в мировую военную историю как «лук половецкого типа».

На луке вождя или атамана были костяные накладки. Ох, что это за накладки! На одной из них я увидел сцену охоты на кабана: еще мгновение и вопреки прекратит свой стремительный бег... На другой — конь в летящем галопе. Он под взглядом художника будто замер. Вписаны мельчайшие детали. Чувствуется даже напряжение мышц.

А вот об этой находке хочу сказать отдельно. Что это? Точно не знаю. Для чего? Тоже неизвестно. Археологи уверяют — это накладка или пряжка. Может быть, и так. А речь идет о золотом кресте с зернью — великолепная работа. Он небольшого размера, абсолютно такой же как... всем знакомый орден Святого Георгия на подвеске. Есть даже «лавровый» овал в центре, где, возможно, что-то было выгравировано. Но что? А если и вправду это самый древний орден, найденный у нас? По крайней мере другое назначение кресту придумать трудно. Тем более, что жители Беленджера хорошо знали Святого Георгия-воина — поклонялись ему, ведь они были христианами, а он — их покровителем. Но об этом чуть позже.

Все прекрасное, что дает искусство, ценилось у берендеев. Здесь нет вещи, которую сделали бы холодные равнодушные руки. Каждая вещь поет.

О золотых женских украшениях покрытых зернью я не говорю — их надо видеть. Но фаянсовый скарабей, сердоликовая бусина с серебряной ленточкой, стеклянные синие подвески в виде мыши или хрустальные подвески, на которых вырезан петух, честное слово, достойны только глубоких вздохов — сперва ахнешь, а потом вздохнешь.

И все эти ценности — из домов правителей Беленджера. Местное производство!?

Домов в городе берендеев было, конечно, много. Целые улицы. И если бы не курганные, истинно половецкие захоронения у горы, привлекавшие внимание археологов, что знали бы мы о жителях далекой Хазарии?

Кроме всего прочего, курганы сохранили прекрасный антропологический материал.

Я как-то разговаривал с доктором Афанасьевым, крупным отечественным археологом, знатоком древнетюркской культуры, Геннадий Евгеньевич меня удивил, когда, как бы невзначай, сказал, что останки половца даже в самом древнем захоронении он отличит с первого взгляда.

Степняки, оказывается, всегда представляли собой совершенно особый антропологический тип человека. Например, у них иная форма черепа, которая у нас, у живых половцев, до сих пор появляется в «татарских» чертах лица — щеки, разрез глаз, лоб. Все мы, жители Степи! (Помните, об этом же писал и Е. П. Савельев.) В этом — особенность половецкого лица, его узнаваемость. Пропорции туловища и ног, особенно голени, у половцев тоже свои, особенные.

Я не знаю, сколько может Зайналабид Батырмуrzaев рассказывать об истории Хазарского каганата. Час? Час можно слушать. День? День будешь ходить рядом с ним и не устанешь. Увлеченный человек, ничего кругом не замечающий, кроме археологии. Но заслушиваться его интересными рассказами все-таки нельзя. Особоенно на развалинах Беленджера.

Идем, и я вдруг почувствовал, что не могу дальше шага ступить, словно стеклянная стена выросла передо мной. А Зайналабид идет, ничего не замечает.

— Стой, — кричу я ему.

Перед нами в двух шагах замерла огромная ящерица, похожая на варана, она буквально сливалась с камнями и землей. Гад холодно буравил нас черными, немигающими глазками.

— А-а, их здесь много, — спокойно ответил Зайна-

лабид, поднял камень и швырнул вдогонку ретировавшемуся хозяину нынешнего Беленджера.

Очень много рассказал Зайналабид о захоронениях. Как всякий прирожденный исследователь, он мечтает открыть свой город. Или хотя бы курган на первое время, но такой, в котором не побывала бы нога грабителя. Каждый человек имеет право на мечту, но лишь в награду дается она. За настойчивость!

— Зайнал, такие курганы у половцев были всегда?

— Нет, — ответил он.

Оказывается, раньше, в первые века жизни половцев в Степи, обряд погребения у них был совсем другим — трупы сжигали. Ведь степняки были тенгриане, они поклонялись Огню и Солнцу. Потом вдруг к ним пришел новый ритуальный обряд — погребение. Это «вдруг» случилось точно в VI веке, и впервые оно зафиксировано при захоронении хазарской знати.

С тех пор в царские курганы умерших клали в деревянных гробах. А простых людей стали хоронить в гробах, сплетенных из камыша.

Почему половцы сменили традиции предков? Найти ответ на этот вопрос помогли материалы раскопок.

Вот что любопытно: в более ранних захоронениях VI века, как бы отдавая дань прошлому, под гробы подсыпали пепел или белую известь. Потом, в более поздних захоронениях, обходились без пепла, и без извести... Весть об изменении традиций у хазар через Шелковый путь, приходивший через Хазарский каганат, дошла до Китая: зафиксированы слова китайского императора Тат Цзуна в 728 году, что хазары оставили обычай сжигать трупы и погребают их под курганами.

Что же заставило степняков изменить обычаям предков-язычников? То была новая религия, пришедшая в Степь по тому же Шелковому пути, — христианство. Это была религия, позволявшая объединить племена в государство! Вот почему так много я говорю о ней. Так что Степь не была «проходным двором» истории, как утверждают иные историки.

...Мы подошли к кукурузному полю, оно начиналось прямо в древнем городе. Зайналабид остановился. Помолчал. Его глаза зло сверкнули.

— Как нарочно, — вымолвил он, — в Дагестане кто-то решил все кумыкские памятники уничтожить. Когда мы копали, кукурузы не было.

— А что было, Зайнал?

— Церкви. Остатки церквей.

Четыре половецких храма стояли в Беленджере... И я вспомнил легенду, которую знает едва ли не каждый, обратившийся к истории хазар. О том, как каган пригласил к себе иудея, христианина и мусульманина, чтобы те рассказали о своей религии. Кагану якобы понравилась иудейская религия, и он велел принять ее своим подданным...

Красивая сказка. Только археологически она абсолютно не подкреплена! Наоборот, найденные остатки христианских церквей убеждают совершенно в другом. Не удивлюсь, если окажется, что эту сказку придумали иудеи, стремившиеся прибрать к рукам Шелковый путь, на котором властвовали хазары.

Увы, приходится сомневаться. В Хазарии, во всех пятнадцати ее городищах не найдено никаких следов ни иудейской, ни мусульманской религии. Хотя бы какие-то культовые предметы, из тысяч найденных. Ничего.

Значит, синагог и мечетей там не было!? Пусть остаются на совести авторов внешне правдоподобные сочинения Моисея Каганкатваца и Моисея Хоренского, поведавшие миру об иудизации хазар, — археологического подтверждения их слов нет. А без него нет правды, нет достоверности в их утверждениях...

Церкви в Беленджере строили небольшими. И, судя по сохранившимся фундаментам, сверху — в плане — они напоминали крест. Фундаменты точно ориентированы с запада на восток. Любопытно, что храмы в Беленджере пока считаются самыми древними на территории России. Отсюда проросла ветвь новой веры на север, в донские степи... И понесли ее берендеи — жители города!

Мало кому известно, но с времен Петра I по России ходили слухи о колониях генуэзцев на Кавказе. Например, в донесении полковника артиллерии Гербера, отмечалось, что генуэзцы поселились здесь еще в VII столетии. Может быть, поэтому зародившееся на Северном Кавказе христианство стало впоследствии католическим? Эта страница нашей истории абсолютно белая. А впрочем... сохранились записки венецианского посла Иосафата Барбаро, который в середине XV века посетил Кавказ и описал свои встречи с христианами греческого и католического исповедания. Но о каких именно народах шла речь? Неизвестно.

Доподлинно известно также, что в средневековье в Римской католической церкви значилась Прикаспийская провинция, из Рима сюда, на Северный Кавказ, назначался епископ. В папских буллах о распространении новой веры об этой провинции упоминалось не раз, хотя границы ее неизвестны.

Как напоминание о многовековом общении народов Северного Кавказа с Римом я смотрю на костелы, до сих пор сохранившиеся во Владикавказе, Пятигорске, Ставрополе, а также в горах. До сих пор остались и приверженцы католического вероисповедания...

«Борьба за веру» в Хазарии, по-моему, не могла быть столь ожесточенной, как о ней пишут. Да, были попытки навязать степнякам мусульманство, но поход арабского полководца Мервана в 737 году закончился все-таки неудачей, главную битву арабы проиграли — поверженные степняки не приняли религию своих врагов. Из гордости, конечно, не приняли!

К тому же притязания арабов закончились очень быстро — Степь разбила их войско. Больше арабы на священной земле Дешт-и-Кипчака не появлялись. Лишь иногда наведывались сюда их купцы и путешественники, записки которых проливают свет на жизнь степняков.

И опять же, как и в случае с иудеями, арабские источники уверяют, что в хазарских городах жили

мусульмане. Какие мусульмане? Неизвестно. Так, Ибн Хаукуль, побывав в столице Хазарии пишет: город «насеяли мусульмане и другие, и в городе у них были мечети». Не выдает ли он желаемое за действительное?

Если мусульмане, то они могли быть только шиитами, религия которых пустила к тому времени корни на земле нынешнего Азербайджана. Других вариантов развития мусульманства нет!

Мои рассуждение подтверждают и путешественники, побывавшие здесь, например, Плано Карпини и Вильгельм Рубрук, который ясно написал: «Мы нашли некий хороший город, по имени Эквиус, в котором жили саррацины (мусульмане), говорящие по-персидски, хотя они были очень далеко от Персии». Этот таинственный город лежал «на очень красивой равнине, имеющей справа высокие горы, а слева некое море или озеро...» Стоит лишь добавить, что автор ехал с запада на восток.

В нынешнем Дагестане шиитов к северу от Дербента практически нет. Сведений о том, что в междуречье Сулака и Терека шииты когда-то отступили от веры и стали суннитами, тоже не встречается. Упомянутыми мусульманами, таким образом, могли быть только иранцы, вернее талыши, которые до сих пор живут в Дагестане, они — шииты.

Сколько же тумана лежит на половецкой земле...

— Зайнал, а когда же мусульманство пришло на Северный Кавказ?

— Очень трудный вопрос, — и чтобы не отвечать на него, он повернулся и заторопился обратно к каменистому проселку, ведущему в Чирюрт.

Но отвечать и не требовалось, я уже знал ответ, а спросил лишь для того, чтобы увидеть именно такую реакцию Зайналабида Батырмурзаева, истинного мусульманина, хотя и потомка древних христиан. Конечно же, он, историк, почувствовал, что я тоже знаю правильный ответ. Но промолчал.

Вопрос веры для мусульманина — святой вопрос,

не подлежащий обсуждению. Но чтобы понять историю своего народа, я провел опыт — попросил знакомых стариков написать имена своих предков. Семь поколений обязан знать правоверный.

Почти у всех после третьего — четвертого поколений начинались уже не мусульманские имена: Кучай, Авиль, Бутуй, Дадау, Хадир, Кытык, Акай, Баммат, Асев...

То были древние половецкие имена.

...Мы молча вышли из археологического заповедника, закрыли проржавевший шлагбаум, чтобы коровы не ходили по Беленджеру, сели молча в машину и уехали. Каждый думал о своем после встречи с историей, которую, оказывается, можно не только потрогать руками, но и понять.

Продолжение или часть II:

ЯИЦКИЕ КАЗАЧЕНЬКИ

Борис Борисович Пышкин — располагающий к себе человек, на вид мягкий, общительный. Густая белая борода и такой же беловатый овал волос вокруг чуть прищуренных глаз, придают ему благообразность, какую-то былинную основательность.

Однако стоит заговорить с ним, и впечатление меняется — опять глаза говорят, а потом уже появляются и дотоле тщательно скрываемая настороженность: недоверие в каждом слове, в каждом жесте. Рад бы он поменяться, да не сможет. Воспитан так.

Борис Борисович — потомственный старообрядец. Истинный православный христианин, на которых в России три с половиной века почти охотились, как на волков. А они скрывались, таили то, что другими поруганым считалось, а для них — святым. И слава Богу, выжили, не отступив от веры, живут по обычаям предков — «по-правильному», «по-старинному».

Мы познакомились в Ставрополе, на Союзном

Круге казаков, я сразу обратил внимание на этого солидного уральца, восседавшего среди стариков, в лихо заломленной папахе. Обратил внимание и на то, что при общей молитве он поднимался вместе со всеми, но стоял, опустив руки, словно по стойке смирно. Происходящее будто не касалось его. Потом я спросил его об этом, и он с достоинством ответил:

— С чужим крестом не молимся.

— Как с чужим? — опешил я.

— С чужим крестом не молимся, — отрубил казак твердо.

Сразу стало понятно, что все другие мои вопросы будут лишними. Такой уж, видно, он человек, в дипломаты явно не годится, и все тут. Оставалось лишь под удобным предлогом напроситься в гости, чтобы посмотреть на тот — «свой!» — крест, которому должны молиться настоящие казаки. Чтобы «по-правильному».

Словом, я не мог не оказаться в Уральске, у здешних жителей — казаков, вернее, «казаченек», как любовно в этих местах прежде называли мужчин.

— Глянь, казаченька идет...

И все же, если быть до конца точным, то нет уральских казаков, а есть с 1591 года яицкие казаченьки, потому что реку Урал правильнее именовать Яиком. В 1775 году, «дабы придать забвению» память о пугачевщине, Яик по царскому указу получил новое имя... Впрочем, с историей казачества делалось немало всякого, «дабы придать забвению». Всё забыто!!

У яицких же казаков всегда иначе было, они долго силились себя сохранить. Не случайно прежде их «отличали привязанность к дедовским обычаям и старая вера». По духу своему они были твердыми, неподдатливыми, на новое неохотчивыми: «если скажут, их уж не свернешь», — так писали когда-то об уральцах.

...Я долго не мог уяснить, что же заставило в конце XVII века подняться иных казаков с Дона и осесть у Яика?

Может быть, действительно, сибирский поход Ермака заставил Русь выставить казачьи кардоны по Яику, как утверждают иные историки? Ведь к тому времени Астраханское ханство было уже русским... Тогда почему именно по Яику встали станицы? Яик же русским не был. И Дон тоже тогда еще не был русским. Только в 1614 году яицкие казаки попросились «под руку Москвы».

Версий о происхождении яицких казаков немало. Поговаривали и о том, что, мол, новгородские ушкуйники осели здесь, когда «господин Великий Новгород» приказал долго жить.

Но и в это слабо верится — «где вода, а где именье». До Новгорода-то сколько тысяч верст будет? А потом, психология жителей лесов не позволит им селиться на открытом месте, в голой степи. Равно как и степняки никогда не забирались в закрытые лесные пространства на жительство... Хотя, может быть, и был кто из Новгорода.

Есть, впрочем, одно поверье, больше других похожее на правду, я узнал о нем в Уральске, от самих казаков. Оказывается, прежде здесь на пирах обязательно поднимали чарочки за бабушку Гутниху, без нее пир — не пир.

Но кто она? Известно немного: была татаркой, по-русски не знала, прожила сто лет со своим мужем, казаком Василием Гутней, пережила его. Они первыми пришли с Дона, первыми пустили корни у Яика, за что и слава им осталась, и вечная память потомков.

Действительно, очень похоже на правду. И чтобы убедиться в этом, начнем-ка и мы с самого начала: что есть слово «казак», откуда оно пошло? Тем более, что разные авторы толкуют его совершенно по-разному. И все лукавят!!!

Одни уверяют, что пошло оно от какого-то мифического народа кавказского «косогов», другие — от «казар», третьи — от закавказской области «Касакхия», четвертые ищут объяснения в сочетаниях различных тюркских или персидских слов.

Однако на все эти «объяснения» накладывается

один-единственный вопрос и напрочь перечеркивает их. Его я тоже, кстати, услышал от яицких: «ну, с какого пятерика, скажите, первые вольницы и боевые братства древней Руси переняли бы для себя наименование «косо́гов», «казар» или закавказской области «Касахия»? Тем более с чего бы казакам брать тюркское слово «гусь» или «белый гусь» /каз-ак/ для самоназвания?»

Действительно, а с какого пятерика?..

По-моему, ответ умышленно искали не там. А он, ответ-то, прост, как может быть проста только истина.

А чтобы уяснить его суть, сперва нужно признать один бесспорный исторический факт, о котором известно во всем мире и который старательно не замечают у нас.

Задолго до вторжения монгол в степи Европы существовала огромная страна — Дешт-и-Кипчак или Половецкое Поле, и это было отнюдь не сборище кочевников. Там жил народ высокой культуры — половцы. Арабы именовали их «кипчаками», византийцы — «команами».

Половецкое общество делилось на три сословия. Первое — «УЗДЕНИ», сюда входили аристократия, духовенство, высшие военные начальники. Второе сословие из простонародья, называлось «КАЗАКИ» или /по-половецки/ «вольные люди»: ремесленники, батраки, воины. /Кстати, тюркское слово «батрак» не имело того уничижающего оттенка, который оно получило после 1917 года, им называли крестьян, сельских работников./ И наконец, третье сословие — «КУЛЫ», так, коротко, половцы называли своих рабов*.

---

* Абсолютно (подчеркиваю — абсолютно) такое же деление общества было еще в XIX веке у кумыков, карачаевцев и других народов, потомков половцев (кроме самих казаков, разумеется). Мы, кумыки, например, некоторые свои народные песни до сих пор называем «казацкие» — «къазакъ». У нашего народа в прошлом веке был знаменитый поэт — Йирчи Казак, певец из простонародья.

Монголы, как известно, по приказу хана Батыя принялись истреблять половецкую знать — узденей, изгонять их из Степи. Был такой приказ, он известен историкам. Следовательно, на Дону и на Днепре могли оставаться только казаки. Кулы ведь разбежались без хозяев... Вот, собственно, и все мое объяснение. Как оказалось, «белые гуси» были не при чем.

Так это или не так? Обратимся к литературным источникам.

По свидетельству очень авторитетного историка А. А. Гордеева, написавшего 4-х томную «Историю казаков», а также из исследований других ученых, видно, что «количество войск Батыя, покоривших русские земли, состояло из 33 тем или 330 000 бойцов. В числе этих войск монгол было всего 4000».

Надо ли задавать вопрос, кто были остальные? Три темы — уйгуры. В основном же — половцы, точнее говоря, казаки!

Вот почему придумывались самые нелепые объяснения слову «казак». Лишь бы не связывать его с половцами. А самих степняков наши ученые даже «похоронили», официально посчитав исчезнувшим народом.

Придумали каких-то мифических татар, ответственных за вторжение на Русь. Хотя такого народа не было и нет.

Этим словом русские поначалу называли всех тюркоязычных. Казаки тоже были тюркоязычными! Для справки: тот народ, который живет на Волге, правильнее называть булгарами, по имени их прежнего государства — Волжской Булгарии.

Почему я столь категоричен? Да потому что забыто древнейшее тюркское имя — Татары. Видимо, так звали хана, половецкого, скорее всего Косимовского ханства (оно начиналось за Москвой, от Оки). Люди этого хана и принесли когда-то на Русь новое слово: «Вы чьи?» «Татары».

Борису Борисовичу я пообещал: приеду весной, на масленицу. Он поначалу согласился. Однако позже на

мое письмо ответил отказом, мол, чего приезжать-то, голодуха, не до масленицы. Но билет у меня был куплен. Поехал на свой страх и риск.

Уральск тогда только что захватила распутица. Весна лишь днем робко приближалась к городу, улицы раскисали, а к вечеру мороз брал свое, холодный туман заволакивал небо и все вокруг. Ночью за окнами снова бродила зима. С первым теплом приходит сюда, на Яик, и масленица.

— Как живете-можете? — приветствовал я Бориса Борисовича в его квартире, заваленной горами книг, газет, альбомов и коробок со старинными фотографиями.

— Да живем, пока бабушки молятся, — довольно ответил он. Значит, не рассердился на мой приезд. Но и не обрадовался, конечно.

Старообрядцы — замкнутые люди. Не поймешь, о чем они думают? В одной книге я прочел: «Уральцы очень патриархальны, радушны и гостеприимны, но по уходе гостя комната, в которой его принимали, обкуривается ладаном, а то и освящается. Для гостя и всякого постороннего — особая посуда, из которой уралец-старовер ни в коем случае есть не станет. Уральцы не только не курят сами, но и вообще не допускают дьявольского действия в своих домах».

Поговорили мы недолго. — не получился разговор. Верю, Борис Борисович и хотел бы рассказать про старую веру, показать кое-что, да не решился, не одолел себя. Отказался даже говорить как к старообрядческой церкви пройти: «Нет, не смогу вас провести, дел много».

И ходить бы мне вокруг да около, если бы не добрые люди — муж и жена Шваловы. Тоже казаки, но гораздо моложе. Много в жизни они лишь понаслышке знают. И спасибо. Беда обошла их — о рассказывании только от стариков и слышали.

Юрий Швалов — природный казак, яицкий, а вот бороду не носит. Молодое племя само на другую дорогу поворачивает: они уже не старообрядцы.

— А какая разница-то? — удивился Юрий. — Не все ль равно, как молиться?

Он не умело сложил старинное двоеперстное крестное знамение, а потом изобразил новую «чертову щепоть».

У-у, казак, а еще яицкий. Прости, не твоя вина, а твоя беда, что делают из тебя выказака...

Юрий крестился не во младенчестве — в его детство ребят не крестили. Запрещалось. Да и негде было: почти все православные храмы в Уральске позакрывали. Уже в зрелом возрасте, имея жену, детей, казак вспомнил о вере и сам пошел в открывшуюся церковь.

Но... чужим крестом открестили его — новообрядским. Подсказать некому было. Однако ж, если проснулась-таки тяга к Богу, значит, проснулся казак. Душой возродился.

С 20-х годов комиссары глумятся над верой казачей. Было время — тем, кто прилюдно складывал двоеперстное крестное знамение, на месте руку рубили. Священников по станицам, как зверей отлавливали, а потом всех разом и кончили... Откуда же нынешним молодым о вере знать? Росли несмышленишами.

Думают, раз в городе храм открыли, то и христианами станут? Нет. До истинной веры еще далеко.

Сказывали, в прошом веке по Яику проживало 100 тысяч казаков, и было на них 7 небольших храмов. А в XVIII веке казаки вообще обходились без московских храмов — ни одного не было. Потому что старообрядцы «чужим крестом не молятся».

Вот почему с 1830 года на Яике /вернее уже на Урале/ атаманы Уральского Войска назначались только из иногородних. Из «Москалей». Все не из казаков! Среди них — отец Петра Аркадьевича Столыпина, знаменитого российского реформатора.

А на Дону наказное — а не выборное, как прежде! — атаманство появилось раньше, в XVIII веке.

И был в этом глубокий тайный смысл, который казаки по простоте душевной не заметили.

Новым казачьим «губернаторам» вменялось ломать половецкую волю-вольницу, вселять в нее русские обычаи — новую веру, язык.

Москва добила своего, подмяла-таки под себя и Дон, и Урал. Как не противился Яик, а князь Волконский доказал, что мундиры лучше национальной казачьей формы. Ох, и доказал!

Казаки, негодуя, срывали с себя царские мундиры, их жесточайше пороли и одевали вновь. Иные голыми валились на землю: «убей, не одену». И не надевали, замерзали на снегу в чем мать родила. Такие они, яицкие... Были!

Чтобы казаки не гутарили по-родному, по-половецки, москали открыли школы войсковые, где учили на русском: хочешь служить — учись. В гимназиях Новочеркасска было время преподавание велось на кумыкском, потом его упразднили за ненадобностью.

А чтобы никто не молился по-старинному: «по-своему» — строились новообрядческие церкви, куда нагайкой загоняли казаков. Выйдя из чужой церкви, иные спешили в свою, казачью, — грех снять, душу очистить.

Двуязычие. Единоверие. Они незаметно подтачивали истинные казачьи ценности... Многим ли ныне памятно, что во времена А. С. Пушкина, побывавшего в Уральске, о половецком языке казаков приезжие россияне говорили с улыбкой: «Это их французский».

Казаки тогда ещё носили «татарскую» одежду и смело говорили на своем «французском» языке, он, кстати, не раз выручал их.

Рассказывают, что во времена итальянского похода А. В. Суворова уральцы едва не попали в окружение. Французские офицеры по-русски предложили атаману Д. М. Бородину сдаться. /Между прочим, он был последний в истории казачества природный казак-атаман/. Полковник Бородин в присутствии французских парламентаров собрал своих есаулов и на поло-

вещком языке коротко и ясно изложил приказ. Есаулы разъехались по сотням, и — на глазах изумленных французов полки исчезли с позиций, а следом исчез и атаман...

Кто знает, а не с тех ли пор появилась известная французская пословица: «Потри любого русского — будет татарин».

В годы войны с фашистами знание родного языка тоже немало казаков спасло, солдат Советской Армии, в истории есть примеры.

Только кто все это хочет теперь вспоминать? Забыть селятся. Ведь в России возрождаются казачьи войска, а не народ, из которого вышли поколения воинов-степняков, рыцарей православия.

Еще раз скажу, что первые христианские проповедники на Руси, несомненно, были из степняков. Напомню, христианство в Дешт-и-Кипчаке отмечено уже в IV веке! Знаменитый Аттила — вождь первых тюрков в Европе — был христианином, как и его предшественники Донат и Харатон. Археологами найдены в Степи христианские храмы VI века... Так что /а факты, как известно, вещь упрямая!/ не были половцы «погаными татарами». Не были!!

И при власти монгол в Степи ничего не изменилось: «с первых дней образования Орды, — отвечает историк А. А. Гордеев, — в ставке хана был построен православный храм».

Хотя слово «храм», конечно, слишком громкое и не обязательное для скромных домов, куда половцы приходили для общения с Богом.

В Степи была строгая церковная иерархия!

Несомненно, касалась эта иерархия и Русь, тогда полностью зависимую от Степи. «Русский царь должен был, — писал английский историк XVI века Дж. Флетчер, — повторять каждый год, в знак своего подданства Великому хану, стоя подле ханской лошади, на которой тот сидел, из собственной шапки кормить ее овсом, что происходило в самом Кремле Московском».

Такое проявление подданства продолжалось не одно десятилетие. Вырастали и умирали поколения московских царей с шапкой в руке. Лишь к XVI веку в Москве перестали кормить ханского коня. Но церковная зависимость Руси сохранялась.

Иван Грозный очень желал бы избавиться и от нее. Однако попытка не удалась. Конфликт царя с митрополитом Филиппом был кровав и стремителен, как и многое в истории того времени. В ответ на обличительные словами митрополита: «До каких пор будешь ты проливать без вины кровь верных людей и христиан?...» московский тиран натравил своих опричников, те и закончили неудавшуюся царю духовную дискуссию — задушили Филиппа.

А разве не любопытно, что митрополит Филипп был выходец из Степи? Его мирская фамилия — Клычев, до сих пор очень уважаемая половецкая фамилия. Сохранившийся портрет этого убиенного за веру не оставляет сомнений в его «степном» происхождении.

Понятно, ни царю Ивану, ни Малюте Скуратову, ни Василию Грязному не по силам было поколебать на Руси иерархию православия.

А вот вторая попытка Москве удалась. И не потому что проводилась она изошреннее. Нет. Также «топорно». Степь была уже не та, она духовно ослабела — междусобицы ослабили ее.

И не только междусобицы. Самое главное, по-моему, было в другом — в Степи не осталось аристократии. Огромная потеря! Для полноценной духовной жизни народа такая потеря — гибель. Вот почему потеряли половцы свое лицо! Без головы нет и лица!!

Это не мое умозаключение. Мыслители прошлого не раз отмечали, что «единственным надежным оплотом порядка в обществе является аристократия; она одна в состоянии придать политической жизни устойчивость, давая должный отпор эксцессам», — писал, например, маркиз де Кюстин после ужасов Французской революции. Ибо «аристократия — правление не-

зависимых умов». Иначе говоря, коллективный разум нации, ее честь и совесть. А религия — это мораль народа...

Беда в православную церковь прокралась в 1654 году, при царе Алексее Михайловиче, когда московскому патриарху Никону велено было исправить богослужебные книги. Порча церковных книг сразу же вошла на Руси в ранг государственной политики.

«Наиболее важными изменениями и нововведениями, — как пишут ныне специалисты, — стали следующие:

1. Вместо двоеперстного крестного знамения, которое было принято от греческой православной церкви вместе с христианством и которое является частью святоапостольского предания, было введено троеперстное.

2. В старых книгах всегда писалось и выговаривалось имя Спасителя «Исус», в новых же книгах имя было переделано на «Иисус».

3. В старых книгах установлено во время крещения, венчания, освящения храма делать обхождение по солнцу в знак того, что мы идем за Солнцем-Христом. В новых книгах введено обхождение против солнца...»

Вроде бы всего шесть заметных изменений, шесть нововведений. Много это или мало? В духовной жизни количественные оценки ничего не значат.

Посягнув на церковные обычаи и даже на апостольские предания, Москва своими нововведениями расколола православную иерархию, публично отошла от древлеправославной греческой церкви.

И в этом был политический смысл церковного раскола, нужного Москве, возмечтавшей о лаврах «третьего Рима» — о собственной империи. То был момент, с которого началась Российская «тюрьма народов!»

Новая церковь без поддержки царя и опричников, конечно, была бы обречена. И она получила желанную поддержку, навечно став в уплату за это неким «ведомством» государства, его «приказом», куда духовные лица назначались светской властью... Еще не-

давний Комитет по делам религий /отдел КГБ/ был лишь продолжением той «поддержки».

Новая религия как таковая, уже в XVII веке утратила смысл, ибо сказано: **«без свободы пастыря несвободна и паства»**. И в этом мне, например, видится главная беда России, ее болезнь, продолжающаяся и поныне..

Когда патриарх Никон понял, что совершил, в какую ловушку заманил новую церковь, было уже поздно. Он отрекся от престола, ушел в монастырь, где до конца дней вымаливал у Господа прощение за содеянный грех. Поздно!

Русь полыхала. Царь, став всесильным, сам насаждал церковные нововведения. Тех, у кого совесть не принимала новых обрядов, опричники загоняли в избы и сжигали. Тысячи и тысячи безвинных христиан гибли в адовых муках. За веру горели целые деревни.

Первыми мучениками стали протопопы Иоанн Неронов, Логгин, Даниил, Аввакум и епископ Павел Коломенский, который бросил ничтожному Никону прямо в лицо: **«Мы новой веры не примем»**. На что Никон ответил побоями, тут же, в христианском храме, правда, уже освещенном по-новому. Дальше все шло, как обычно на Руси, — ссылка, пытки и, получив последнее «нет», новоявленные русские христиане сожгли великомучеников в срубе.

Историю России с 1654 по 1907 год вполне можно трактовать как историю гонения на христиан, не желавших иметь над собой царской власти... Столько лет душили свободомыслие. Так что традиция давняя!

К приходу на престол Петра I старая вера на Руси была поколеблена, смертельно изранена. И, видимо, далеко не случайно, что первые завоевательные походы Петр направил именно на юг, на земли казаков, где православие было в прежней силе и чистоте, а государственность ослаблена.

Не случайно и то, что уже при Петре о казаках начали отзываться как о пьяной разбойной братии, о неких беглых уголовниках, о сброде. С тех пор и

пошло, что казаки из беглых. Говорили даже, не «казаки», а «донские и белгородские татары». И тогда уже из официальных лиц никто больше не смотрел на казаков как на оплот истинного православия.

А еще казаков принято стало называть «ворами» и «собаками». И унижать их, насколько то было возможным. Даже печать Войску Донском Петр повелел выбрать такую, чтобы понасмехаться над казаками: на винной бочке сидит голый казак — все пропил...

Если же задуматься, то ведь и Разин, и Булавин, и Болотников, и Пугачев с соратниками ничего преступного не совершали, они желали лишь одного — сохранения своей, казачьей, истинно христианской церкви, свободной от царской руки.

За это уничтожили их. А живым казакам тогда на лице выжигали коленым железом — «вор».

Долго бушевали на Дону религиозные преследования — Москва рушила казачью церковь. Мало того, началось урезание прав и привелегий Войска Донского: например, в 1702 году москали запретили казакам ловить рыбу в их же собственной реке. В 1706 году у казаков отобрали соляные заводы. И т. д. и т. д. Притеснение шло повсюду. Даже выборы атамана с той поры велено было проводить по-новому, с утверждением его Москвой... Вот он, конец вольницы!

Петр будто провоцировал Дон. Вот и не выдержали казаки, поднялись.

«Сия сарынь, кроме жесточи, не может унять быть», — заключил Петр, решив покончить с православной донской вольницей. /Помните, «сарынь» — это же половецкий клич к атаке./

В указе от 28 июня Петр изложил, как нужно уничтожать казачьи станицы, с каких начинать, какими закончить. Этот документ удивляет цинизмом и деловитостью, будто в нем речь идет о расчистке какой-то брошенной страны: «По Хопру сверху Пристанной по Бузулук. По Донцу сверху по Луган. По Бузулуку все. По Айдару все. По Деркуле все...»

И князь Василий Долгорукий, как немецкий служака, методично превращал донские земли в пусты-

ню, прививая казакам холуйскую покорность. В живых порой оставляя только детей, и то лишь иногда, для продажи в рабство... Так насаждалась у казаков новая вера и рушилась старая.

Под конец своей жизни князь Долгорукий оставил откровения, от которых веет мертвячиной. Он, словно бухгалтер, попробовал подсчитать число загубленных им на Дону душ и, старательно перечислив около 23500, добавил, что дальше не упомнит, память, мол, к старости испортилась...

«Это /московиты/ — народ, рожденный для рабства и свирепо относящийся ко всякому проявлению свободы», — писал в XVII веке о московских правителях Иоанн Барклай... Господи, ничего же не изменилось за прошедшие столетия...

Сколько еще их, опричников, будет глумиться у наших алтарей?..

В Уральске как бы два города — старый и новый. О новом много не расскажешь: панельные пятиэтажки, заполнившие и Россию, и всеобщее уныние.

Старый город иной: домам его за сотню лет: стоят себе старички, бодрятся, времени не замечают, некоторые в землю ушли, некоторые мхом поросли, все латками покрылись. Новые домишки здесь в большую редкость — не строятся ныне казаки на Яике. Подались кто куда. На улицах по-нищенски. Разор кругом... Тоже много и не расскажешь.

Сохранилась там пугачевская изба, она теперь музей. Есть храм новообрядческий, он неподалеку, ближе к Яику. Но я смотрел не на них. На дома-мазанки, которые раньше видел только в учебниках, на рисунках. Половецкая архитектура!

Жива!! Жива родная...

Домики эти правильнее называть не «курень», как их здесь называют, а «изба», потому что так их называли предки. Изба пришла на Русь из Степи, вместе с половцами. Славяне изб не знали, жили в землянках.

Курень строился-то совсем по-другому — с очагом

в центре. Он внешне напоминал рубенную шестигранную юрту. В куренях половцы коротали зиму, а летом они предпочитали легкие юрты. Курени я видел в Якутии, а у казаков они мне пока не попадались.

..Когда мы с Юрием и его женой Валентиной ходили по городу, порой казалось, что они как бы заново узнают свой Уральск. Теперь ведь редко кто интересуется историей своего города, его улиц, домов. Редко кто ходит просто так — посмотреть.

Но мы ходили не просто так. Я искал дом, над которым должен был быть крест. В том, что такой дом есть, я не сомневался. Но где? Ни я, ни мои спутники не знали.

Спрашивать редких прохожих бесполезно. В этом мы убедились сразу же. Видим, стоит у крыльца добрый казак-крепыш: его густая длинная борода не позволяет ошибиться — старовер. Настоящий. Подходим. Поздоровались. Поговорили чуть, и с вопросом о молебном доме, где, мол?

— А? Плохо слышу, — отвечает казак.

Погромче спрашиваю, опять не услышал. И не услышит. Чужие мы здесь!

Я не сердился, знал, дорогой ценой досталась им чистая вера, как родник берегут ее. Уже три с половиной века длится это тяжкое испытание, отмеренное казакам самим Господом. Или — в наказание за какой-то грех?

И травили, и жгли, и рубили их царские опричники, потом красные комиссары, а веру так и не одолели... Никому не одолеть веру православную, восторжествует она, как и правда о ней. Восторжествует и укрепится, пройдя через муки, также и дух казачий.

Воистину быть тому. Я убедился в этом, когда потерял надежду найти следы древлеправославной церкви, хотя, по моим расчетам, она должна быть где-то здесь, в Уральске.

На чем я строил свои рассуждения? На фактах, почерпнутых из исторических трудов.

После Азовских походов Петра I Дон подчинился Москве. Из казачьих станиц потянулись старообряд-

цы, кто куда. Часть их уехала на Кавказ, который тогда еще был свободен от русских.

Другие же православные перебрались на Яик. Сюда, видимо, отошли и духовные отцы Степи. Почему? Да потому, что покровителем яицких казаков не случайно, я думаю, стал именно Святой Михаил-архангел, он покровительствовал царствующим особам и предводителям. У остального же казачества в особом почете оставался Святой Георгий-воин.

В том, что духовная свобода православия, видимо, все-таки переселилась на Яик, убеждает и полное /!/ здесь отсутствие новообрядческих церквей в XVIII веке, хотя упрекнуть яицких казаков в безверии, конечно, никак нельзя — более праведных и патриархальных людей во всей России не было.

Сохранилось семя, из которого дереву расти! Свидетельскую.

Прошло несколько пустых дней, и познакомили меня с некой Евдокией, смиренной, тишайшей женщиной.

От «знакомо-через-знакомо» нам назначили время и место во дворе большого дома. Стою, жду. Подходит женщина со строгим лицом, представилась Евдокией, проверила мои документы, долго расспрашивала, почему интересуюсь старообрядцами. Я рассказывал, как на духу, буду, мол, писать о казаках, об их истинной вере, рассказал о своей поездке на Рогожское кладбище в Москве, в Митрополию старообрядческой церкви, рассказал и о своих безуспешных поисках в Уральске. Она все это время молчала, а потом неожиданно сказала:

— Пойдемте.

На углу улицы мы подошли к небольшому одноэтажному домику, мимо которого я проходил раза два или три. Ничем не примечательный домик, обнесенный глухим забором, окна тоже глухие, за ставнями.

Евдокия просунула в щель забора руку, что-то там покрутила — дверь и открылась. Перед нами явился молодой бородатый человек, за ним, ковыляя, показались старушка в больших латаных валенках.

Поздоровались, но не за руку, а кивком. Потом они о чем-то шептались все троим, не обращая на меня внимания. Я стоял, разглядывая сквозь проем в заборе дворик, старые хозяйственные постройки, починенные на скорую руку, и не мог понять, где я?

Наконец бородатый мужчина оборотился ко мне и, глядя на мою бороду, строго спросил:

— Постригаешь?

— Иногда подстригаю, — ответил я, чтобы завязать разговор.

— Вот и то-то, — сказал он и замолчал. Его слова я принял за вежливый отказ, но он добавил: — Да, ладно. Приходите к трем.

Радоваться ли, печалиться ли? Стою с каменным лицом — не хочу вида своей удачи подавать. Чтобы не сглазить.

— Не опаздывайте, — сказала Евдокия и заспешила прочь. К сожалению, больше ее я не видел, даже не поблагодарил от нечаянной радости.

Долго в тот день тянулось время. В половине третьего подхожу вновь к заветному дому, так же, как Евдокия, оглядываюсь по сторонам, просовываю в щель забора ладонь и чувствую холодную кнопку звонка. Но звонить и не потребовалось, дверь была открыта, я вошел во двор, а потом и в дом.

Меня никто не упрекнул, люди, сидевшие в комнате, видимо, знали уже, что я чужак, из Москвы. Каждый смерил меня осторожным взглядом. Сажусь ближе к стене на свободный табурет. Тихо разглядываю темную комнату, по стенам которой расставлены кровати, в углу — печка, над ней полки с посудой и крупой в банках. Рядом газовая плита на привозных баллонах. Все очень старенькое, простое. Низкий темный потолок не белили много-много лет, он нависает и давит, как грозовое облако. Через оконце, подернутое серой тонкой тряпичей, еле пробивается свет. Полумрак не разгоняет и слабая лампочка, висящая под потолком.

Смотрю на входящих людей. Каждый, прежде чем поздороваться, отпускает поклоны иконе, что видна в правом углу... Признаюсь теперь, хоть и стыдно — в Москве, от доброхотов, я наслышался ужасов о старообрядцах, будто чужаков они рубят топорами, сзади. Чтоб жертву принести. Чушь, конечно. Но кто ее знает? А вдруг. Вот и сидел я у стены, готовый к самому неожиданному повороту событий.

Минут через пятнадцать вошел старец с редкой, длинной бородой. Глаза большие, голубые, лицо сухое. И сам весь сухой, подтянутый. Изучающе посмотрел на меня, помолчал, прошел в соседнюю комнату. Через несколько минут он вышел в черном холщевом халате и говорит всем:

— Пошли. Пора.

— И мне? — спросил я тихо.

— И тебе, — ответил он, поворачиваясь спиной.

Через двор прошли в другую часть дома, и — я оказался в древлеправославном храме. Точно в таком же, о котором читал в записках у Вильгельма де Рубрука... Начиналось таинство половецкого христианства, оно было здесь, за дверью.

За последние 750 лет /да что 750 — за полторы тысячи лет!/ в храме ничего не изменилось, лишь креста на крыше не стало — его-то я и искал поначалу. Внутри, конечно, нет никаких драгоценностей — не уберегли их православные, все пограбили изверги. А вот книги уберегли. У алтаря, на оконце, лежали старые рукописные книги, они лежали, как время, безмолвно и величественно. Закопченные иконы висели по стенам. Перед некоторыми свисали лампы.

Аким Алексеевич, так звали того старца с большими голубыми глазами и редкой седой бородой, разрешил мне постоять в уголке, пока присутствующие готовились к молитве: женщины зажигали свечи, наливали в лампы масло, а мужчины надевали черные халаты.

Наконец началась молитва — величайшее таинство духа.

На следующий день я рассказал Борису Борисовичу о прекрасном дне моего везения. Еще бы, увидеть то, что, казалось, навсегда исчезло вместе с нашими предками. Однако живо!

Борис Борисович слушал молча, не комментировал. Вежливый человек, дал мне высказаться. Потом разговор перешел, как водится, на казачество, потом мы смотрели старинные фотографии, где красовались удалыцы-уралыцы в половецких одеждах. Снимки, между прочим, конца XIX века.

Наш разговор прервал телефонный звонок... Знаю, подслушивать неприлично, но не слышать того, о чем говорят рядом, над моим ухом, я же не мог.

Мой собеседник кого-то ласково в трубку называл «Горынычем», вот что привлекло мое внимание. Конечно, я не удержался и, конечно, спросил. Оказывается, прежде казаки только так обращались друг к другу. Это чисто яицкое, казачье обращение:

— Эй, Горыныч, чего загрустил?..

О-о, как же много может рассказать одно лишь слово, всего одно. Куда больше иных исторических сочинений. Выходит, не случайно в русских народных сказках самый гадкий, самый отвратительный герой — именно Змей-Горыныч. Так славяне высказывали свое отношение к степнякам, бравшим их в плен, в рабство.

У половцев же, наоборот, — более теплого, родного образа, пожалуй, не было. Ведь, как гласит половецкая легенда, змей считался прародителем степняков, их праотцом, поэтому он особо почитался в Степи.

Горыныч — до сих пор покровитель казачьего дома. Заболеет, к примеру, корова, так опытная хозяйка, вспомнив бабушкин завет, первым делом трижды повторит: «Горыныч, у Буренки молоко пропало. Помоги, Горыныч». И он, добрейший, всегда помогает, за что в песнях казаки называли себя:

*«Нам, сынам твоим,
Свет-Горынычам...»*

— Однако, помнится, в русских сказках Змей-Го-

рыныч еще и огнедышащим был, разил на расстоянии? — спрашиваю я у Бориса Борисовича.

Тут и он оживился:

— Конечно, мы — Горынычи. И предки наши Горынычами были. Чего ж скрывать.

— А как же «господа казаки»?

— Не были казаки господами. Это бульварное прозвание, — ответил Борис Борисович. — Не господа мы, уральцы-удальцы. Так и запишите.

...А ответ на огнедышащего Змея-Горыныча я все-таки нашел, в «Истории казачества», написанной Еврафом Петровичем Савельевым. Оказывается, во времена монгольского нашествия при осаде русских городов «Свет-Горынычи» палили из огнестрельного оружия, незнаемого славянами: «стреляли живым огнем», — потом запишет об этом летописец. Отсюда и появился страшный огнедышащий змей. Ведь вправду страшно.

Этот исторический эпизод дает ответ на еще одну загадку — как горста монгол сумела подчинить себе воинственных половцев?

Случайности здесь не было.

Сперва монголы завоевали Китай, где узнали тайну пороха. Порох, огнестрельное оружие и позволили монголам стать самыми сильными в Степи.

И еще о Горыныче. У кумыков он называется «аждага»; и тоже очень родное, теплое обращение обычно к пожилому, мудрому и доброму человеку: «Он—наш аждага!» Высшей оценки для мужчины быть не может...

Таким было, оказывается, истинное изображение Святого Георгия-воина. Икона XII века, Москва, Кремль.

Золотой половецкий амулет IX—X века, символизирующий единство и родство человека и змия.

Дополнение, которого не должно было быть

— «Такого не бывает», — мог бы воскликнуть я, если бы это не случилось со мной самим...

Когда рукопись этой книги легла на стол редактора, — самое прекрасное время в жизни автора! Я с облегченным сердцем шел из издательства, ноги сами завернули в букинистический магазин, я подошел к прилавку просто так. И... не поверил своим глазам — передо мной лежала брошюра «Адаты кумыков». Будто кто-то подложил ее мне.

Откуда в огромном городе книжка, которая здесь никому не нужна? Почему она попала мне именно в тот момент жизни, когда я весь был переполнен кумыкской, вернее половецкой, историей и для полного счастья мне не хватило лишь одного — свода адатов кумыков, чтобы написать о них?.. Как тут не поверить в судьбу?

«Такого не бывает?» Однако ж случилось.

Пожелтевшие страницы, написанные Манаем Алибеком. Вернее, не написаны, а по крупичкам собранные шесть десятилетий назад, когда все ценное, все народное в нашей несчастной стране разрушали до основания. Сколько же всего забылось...

Адаты — это список обычаев, по которым жили наши предки. Здесь сказано, что можно и что нельзя, как поступать в том или ином случае, что нужно делать, чтобы называться настоящим мужчиной. Обы-

чаи пришли из глубины веков, они отшлифованы временем, собственно, благодаря обычаям наш народ и был народом.

В жизни все должно быть предельно просто, ясно и понятно, и порой достаточно лишь одного движения, которое заменит сотни слов, но это движение будет понятно не всем, а только своим. Например, бросил человек перед другим человеком нагайку и переступил через нее. Что это значит? «Не держу на тебя зло, прощаю»...

Манай Алибек без сомнений был великий человек, он сердцем почувствовал, куда ведут кремлевские слепцы, вот почему его прекрасная книга начинается с таких слов:

«Из-за опасения, что старые и новые адаты кумыков будут брошены и забудутся вовсе, и что люди, знающие эти адаты, умрут, я решил прибегнуть к помощи трех старых людей, умудренных жизненным опытом, хорошо знающих как настоящие так и прошлые быт и адаты наших кумыков. Эти старики были следующие: Герей Бекмирзаев, Ачакан Ачаканов и Абдул Умаханов».

Почему автор делит адаты на прошлые и настоящие? Полагать, что он принял игру новой власти, не приходится: вряд ли человек стал бы записывать то, что эта власть хотела разрушить.

Вчитываясь в строки, каждая буква которых дышит мудростью ее писавших, я пришел к выводу, что деление обычаев на прошлые и настоящие не случайно: просматривается граница — домусульманские и мусульманские. Меня интересовали старинные обычаи, которым подчинялись в Половецкой Степи, откуда вместе с кумыками пришли они в Дагестан, на Кумыкскую равнину.

Однако прежде чем начать рассказ об обычаях половцев, скажу о тех трех аксакалах, авторитет которых, по-моему, не вызывает сомнений. Даже малейших!

«Герей Бекмирзаев из кумыкских узденей, служил в Петербурге, в царском конвое. Получив там офицер-

ский чин, он вернулся в Дагестан. В селении Эндирей он поступил на должность помощника главного пристава». Кроме того, он исполнял должность переводчика в местном суде, до конца своей службы решая дела, неуклонно придерживаясь местных адатов. «По увольнению от службы, — как записано в его послужном списке, — Г. Бекмирзаев возвратился в свое родное селение Аксай и тут он, сблизившись с местными князьями и влиятельными узденями, отдался весь изучению местного быта и адатов». Как видим, человек был, действительно, очень опытный и знающий, а главное — уважаемый, беспорочный.

«Ачакан Ачаканов происходил из влиятельных кумыкских узденей. Отец его, Абдул, был офицер, хорошо изучивший кумыкский язык, быт и адаты в жизни князей и узденов. К этому Абдулу обращались за советами как в личных, так и в общественных делах. В виду его большой опытности и познаний в этой области, его выбрали депутатом в народный суд, где он и состоял до конца своей жизни. Его сын, Ачакан Ачаканов, перенял от отца все эти знания и интерес к наблюдению за бытом и адатами. Он так же, как его отец, прослыл в народе компетентным, поэтому и его народ выбрал депутатом в народный суд на место его умершего отца». Чтобы много не рассказывать об этом человеке, приведу лишь одну фразу: «Общество, когда ему требовалось довести до властей о своих и общественных делах, всегда обращалось к Ачакану, говоря: «Ачакан, говори, ты знаешь ведь!» И таким образом он говорил от имени общества». Для Аксая это была не просто похвала!

Абдул Умаханов тоже из кумыкских узденей, к нему всегда обращались люди как к авторитету в области знаний быта и адатов. В любых спорах и столкновениях последнее слово было за Абдулом Умахановым.

Адаты прекрасны тем, что их никто не придумывал, приходили одни обычаи, уходили другие — менялась жизнь, менялись и адаты. И каждый раз, чтобы узаконить тот или иной адат, кумыкское общество

долго обсуждало его, взвешивая все «за» и «прогив». Обычно это происходило так.

В назначенный час из селений Аксай и Эндирей во главе со своими князьями выходила навстречу друг другу делегации из самых почетных людей. Они чинно следовали на берег Яман-Су, где высились Центральные курганы, и там, согласно обычаю, аксаевская делегация занимала склон своего кургана, а эндиреевская — своего. Потом, после положенных церемоний, на площадку между курганами выходили старейшины, они и сговаривались по каким-то спорным вопросам. Результат этого сговора называли «адатом».

Вернувшись к себе на курган, старейшины докладывали своей делегации о новом адате и либо получали одобрение, либо возвращались обратно на площадку для продолжения разговора. В случае одобрения узденами адат докладывался князьям. Только после их одобрения он обретал силу закона, неподчинявшихся которому заставляли подчиниться силой.

У кумыков по адату решались, например, такие дела как убийство, похищение девушки или вдовы или гнусное насилие над ними, поранение, воровство и другие — вечные, человеческие. Все же светские дела, такие как купля-продажа, наследство и другие, решались уже по шарияту, на специальном суде кадия.

За соблюдением адатов в каждом селении следили специальные адатные судьи, от которых не уходило ни одно нарушение обычаев. Кара назначалась тут же, и порой очень жесткой. Но никто не обижался, не хранил обиду — получали по заслугам. И знали об этом!

Однако иногда решение адатных судей могло быть не окончательным, если человек протестовал против решения, он шел в селение Эндирей, где по его просьбе собирался специальный суд... Жалобщикам доставалось вдвойне.

Могло случиться, что и специальный суд не находил решения — что в жизни не бывает? — тогда в положенный день и час созывался сход у уже упоминавшихся Центральных курганов на берегу Яман-Су, и

там выносилось окончательное решение — иначе говоря, появлялся новый адат...

Конечно, адаты предков и сейчас должны быть для нас священными, также как они были священными когда-то для каждого половца. Но, как мне кажется, далеко не всем адатам мы сумеем следовать — слишком изменилась жизнь. А раз другой стала жизнь, значит, должны быть сегодняшние адаты, я убежден в этом.

Адаты должны быть! Народ, потерявший законы предков, навечно исчезает сам...

Приведу здесь лишь несколько адатов из книги Маная, чтобы понятным стало, что такое обычаи и как много они значат.

Адаты при убийствах

«Человек, совершивший убийство, немедленно после убийства укрывался со своими родственниками, по отцовской линии, в доме своего князя. Последний, согласно адату, должен был взять их под свою защиту и покровительство. В этих случаях он брал на себя руководство в делах укрываемого им убийцы, в целях предупреждения и предотвращения ответного кровопролития, для успокоения потерпевших, до примирения убийцы со стороной. Князь кормил весь укрываемый род убийцы до окончания своих хлопот по примирению сторон. Сюда, в дом князя, а также к потерпевшим, приходили односельчане и знакомые. Они выражали им свои соболезнования, говорили по обыкновению: «Да ниспошлет Бог свой мир». Родственники убийцы в доме князя держали «яс» (обряд оплакивания убитого) и при этом, причитывая, проклинали и поносили своего родственника-убийцу. Сам же князь, выждав окончания дней «яс» у убитого, посылал туда своего кади и двух «тамаза» (почтенных стариков) для переговоров о примирении с родственниками убийцы. Если не соглашались простить убийцу, то посланные князя предлагали выселить далеко

из родного аула убийцу (этот адат назывался «канлы») и при этом просили примириться с родственниками убийцы. Если переговоры в первый раз были безуспешны и посланные возвращались к князю ни с чем, то последние высылали их второй и в третий раз и вообще до тех пор, пока родственники убитого не соглашались на примирение. При этом последнем случае от родни убийцы собирался «алым», т. е. мзда, преподносимая родне убитого. Алым с дыма, т. е. с родни, кушающей из одного котла, с давних времен был установлен в один баран. Позднее устанавливался «алым» в деньгах. В случае, когда родственники жили отдельно, то на алым собиралось с каждого брата... Того родственника убийцы, который не желал участвовать в алыме, родственники убитого имели право убить. Если у убийцы род был маленький и состоял из бедных родственников, то эти родственники в алыме не участвовали.

Когда таким образом алым был готов, то родным убитого посылали сказать, что «идем с алымом». Последние все собирались в доме убитого и держали «яс». Родственники убийцы с почетными стариками аула, кадием, и князем во главе, передав алым кадию, шли на «яс» или «тазият» (сидение мужчин на «ясе»). Перед отправлением туда, у родственников убитого снимали все оружие, обувь и они босые, подняв шаровары выше колен сняв свои папахи, шли до тазията. Когда эта процессия подходила ко двору с тазиятом, то кади с алымом, оставив родственников убитого на почтительном расстоянии от тазията, вместе с князем и почетными сельчанами подходили к тазияту, и, по отдаче своего обычного приветствия, совершали молитвословие (дуа), произносил проповедь о прощении и мирной жизни. После этого он подходил к старейшему в роде убитого, сидящему на тазияте, и, поднося ему алым, говорил: «Этот алым дает (такой-то) князь». Беря алым, родственники убитого становились лицом к родственникам убийцы. Этим кончался обряд преподношения алыма и свидания обеих сторон. После этого примирители, вместе с

родственниками убийцы, возвращались к себе — по домам. Перед возвращением они произносили: «Да ниспошлет Бог свой мир». Убийца был отправляем в качестве канлы (кровника) в другое селение. Если его там находили родственники убитого и убивали, то говорилось «кровь за кровь» и об этом забывалось. Если они его не могли убить, то он был в канлы до тех пор, пока с ним родственники убитого не примирились.

Родственники убийцы, после примирения с родственниками убитого, не должны были оставлять своего осторожного отношения к ним.

В случае, когда родственник убитого убивал родственника убийцы, давшего алым, такой убийца являлся кровником князя в течение одного года со дня убийства. Если только его князь не убивал, то он не мог видеть князя и сказать ему: «доброй утро» и «добрый вечер» (обычные слова, произносимые при поклоне князю). Кровника князя никто не принимал и не давал ему приюта у себя. По этой причине никто не осмеливался быть канлы князя».

...Надо заметить, далее в этом разделе очень подробно разбираются все мыслимые случаи, как должен поступить тот или иной человек, оказавшийся причастным к убийству. Случаев — десятки. Все они разные, но объединяет их одно — справедливость решения, его неоспоримость и окончательность.

Адаты при ранениях

«Если кто-нибудь ранил кого-нибудь и последний падал по получению раны на месте поражения, сам же убийца укрывался под защитой князя, то народ вместе с родственниками раненого по отцовской линии относил его домой. Там родственники, пригласив лекаря, нанимали его лечить раненого. Если рана обещала быть излеченной, то через пять-шесть дней после ранения сторона ранившего через посланных в лице муллы и двух «тамаза» (почетных стариков)

вступала в переговоры о «маслаате» (о мире). В случае согласия мириться, по совету с тамазами приготавливали все то, что необходимо нести к раненому.

Нести же нужно было следующие вещи: одну «сабу» (полтора пуда) муки, одного барана, один «тенгелек» меда (около ведра), один тенгелек масла, для перевязки раненого белого полотна и мыло. Все эти вещи укладывались на арбу и, сняв оружие у поранившего и его родственников, посылали сказать: «мы едем». Потом отправлялись в таком порядке, спереди «тамазы», позади поранивший с родственниками, а в хвосте арба с вышеперечисленными вещами. Родственники пораненного, извещенные о том, что ведут поранившего, ожидали собравшихся на балконе дома раненого.

Народ, шедший на маслаат, войдя во двор с поранившим и его родственниками, останавливался перед ожидавшими их родственниками раненого. Бывшие впереди прибывших тамазы с кади приветствовали собравшихся и говорили: «Да даст Бог свой мир». Кади, сказав маленькую проповедь, говорил, обращаясь к старшему в роде раненого: «Мы пришли просить тебя, чтобы ты простил этого виновника», при этом указывал на поранившего. Когда этот старший в роде говорил «прощаем», то кади и тамазы заставляли подать руки поранителю и вводили последнего в раненому. После подачи руки раненого поранителю, тамазы, оставив в этом доме поранителя и родственников, уходили, сказав: «Да даст вам Бог согласие». После всего этого поранивший нес все расходы по лечению раненого: платил лекарю «аяк-ял» (за визит), платил особо за лечение и ухаживал за раненым до его полного излечения. По излечению поранивший приглашал к себе раненого им. Последний приходил со своими друзьями-приятелями и, угостившись и повеселившись в доме поранившего его, уходил обратно к себе домой».

...И далее опять в книге Маная Алибека следует подробный разбор возможных случаев поранения: как поступить, если...

Атады при похищении девушек

«Если похищенную девушку приводили похитители к князю или к уздену, то не принять их считалось позором. Если в то время, когда девушка была введена в дом князя или уздена, наступающие на этот дом родственники похищенной, не взирая на недопущение охранителей девушки и предложение хозяина дома — не входить во двор — вошли и хозяин дома дозволил увести обратно девушку, не убив никого из родственников похищенной, или не был убит сам, то, если хозяин дома был князь — ему не оказывали княжеский почет, если же был узден, то его не допускали ни в какие общественные дела и сборища. Если родственники похищенной, не взирая на требования хозяина — не входить во двор — вошли и хозяин кого-нибудь из них убивал, то он не выходил в канлы и почета не оказывал стороне убитого. Когда по требованию хозяина наступающие на двор останавливались, то в комнату с похищенной девушкой входили двое: грое тамаза и расспрашивали девушку. Если девушка заявляла, что ее привезли насильно, то ее выдавали обратно родным, если же девушка заявляла, что она сама добровольно пошла, то ее не выдавали и прибывшие за ней родственники возвращались обратно. Но если и после этого последнего ответа девушки родные ее, улучив удобный случай, вломившись в дом, где укрывалась девушка, уводили ее домой, то ворвавшихся родственников высылали в канлы на шесть месяцев. Если в течение этих шести месяцев домохозяин убивал такого канлы-нападателя, то ему воздавали за это особый почет, а убитому никаких почетов не оказывали и кровь предавалась забвению. Если же родственники, уведшие обратно девушку, побаявшись выйти в канлы просили простить их и отправляли дочь домохозяину, откуда ее увели, то это не считалось постыдным делом».

Другие адаты в этом разделе книги говорили как надо себя вести при других случаях похищения девушек...

Адаты при изнасиловании и прелюбодеянии

Вот один из них:

«В том случае, когда какой-нибудь мужчина заставлял свою жену с другим во время их сокоупления, то если только он их не убивал тут же на месте, его считал народ опозоренным и в свои сборища не допускал. Но если же он их убивал, то его народ прославлял и хвалил, а убитых отдавали родственникам, выражая им свое высшее презрение: «хороните их сами». Но если при этом случае муж убивал только мужчину, а жену оставлял, то он должен был выйти в канлы, так как тогда родственники убитого говорили: «он убил по другой причине, иначе почему он не убил свою жену, совершавшую прелюбодеяние с нашим родственником. Значит, она невиновна, а следовательно —но и он не виноват».

Адаты, относящиеся к воровству

Их много, приведу лишь два:

«Если у кого-нибудь что-нибудь украдут, то он имел право привлекать на суд трех лиц одного за другим, а больше не имел права».

«Если кто-нибудь по проезде издалека, остановившись в гостях у кого-нибудь, уходя, украл, у другого лица что-нибудь, то лицо, у которого украдено, имело право требовать уплаты стоимости украденного имущества от лица, у которого вор останавливался в гостях. Ему то лицо говорило: «У тебя покушал, набрался сил, а у меня украл».

Адаты по оказанию уважения и почета друг другу

Вот, пожалуй, самое главное — то, чего нам больше всего не хватает, что напрочь вычеркнуто из нашей сиротской жизни:

«В прежние времена среди князей, узденов, владеющих поместьями и рабами, были следующие обычаи:

у князей и у больших (поместных) узденей были свои кунацкие комнаты в домах. Встав утром и опоясав себя туго поясом при оружии, они уходили в свою кунацкую комнату и там оставались, не ходя к женам до тех пор, пока не настанет время спать, а на кухню они не заглядывали за всю свою жизнь ни разу. У кунацких князей собирались их уздены, молочные родственники. Старики там сидели, молодежь там стояла у стен. Старики говорили об адатах, о порядках в быту, о том, как молодежи надо себя вести, как жили отцы и т. д. Молодежь почтительно слушала. Тогда каждый из народа жертвовал для своего друга, приятеля, родного и всего народа своей жизнью и своим имуществом. Ради своего народа и родного селения каждый и убивал, и умирал, и стремился поднять в глазах других обществ общество своего селения. Каждый имел сердце чистое, мысли неиспорченные, лицо открытое. (выделено мною — М. А.). Каждый из народа любил молодечество, удаль, проявляемых во время боев и всяких тревог. Тамазы восхваляли этих удальцов, прославившихся своими подвигами во время сборищ народных. У слышавшей и видевшей это молодежи появлялось желание уподобиться этим удальцам и они стремились к удалству, творили подвиги. Те же, которые не придерживались адатов, не допускались в народные сборища и в кунацкие князей и узденей.

Тех, которые в боях трусили и бежали, при выходе на тревоги прятались и не выходили под каким-нибудь предлогом, сдавшихся живыми в плен в боях, во время нападений на них отдававших свое добро грабителям и возвращавшихся невредимыми, творивших насилие над своими односельчанами, натравливавших одних людей на других, вызывая между ними вражду и убийства, отбирающих обманом и ложью имущества других — всех таких людей князья и уздени в своих кунацких позорили и срамили и в народных сборищах не оказывали им ни малейшего уважения. Народ

говорил о них: «Низкие люди, не мужчины, у них нет совести и чести, им не надо возвращаться между князьями и узденями, им нужно сидеть с женами и помогать им кушанье готовить». (В прежние времена князю или узденю зайти в свою кухню нельзя было — это для него считалось позором). Когда мужчина бил или ругал своих жену и сына, то если те убежали на кухню, значит, спаслись от дальнейшего нападения мужа или отца».

Адаты, когда прибывал гость

«Если кунак (гость) приедет к князю и пойдет в его кунацкую, то по утрам при виде князя он должен дать князю салам, после чего должен ему сказать: «Танг яхши болсун» (доброе утро). Если князь ответит: «Саубол» (спасибо) и сделает движение туловищем с места своего сидения, то гость должен снять свою папаху. Если князь встанет, возьмет его за руку и скажет: «Хошь гельды» (добро пожаловать), то гость должен ответить: «Саубол» (спасибо). Если даже князь скажет: «Эсен аман бусан» (благополучен ли), гость ответит: «Эсенбол аманбол» (будь благополучен и счастлив). Если же князь ничего этого не будет говорить, то гость должен молчать. Если ему предложат сеть, то, если только князь не старший его родственник, может сесть. Когда он сядет, он должен занять почтительную позу, не сидеть развалившись на стуле. Ноги его должны быть прилично обуты.

Когда в кунацкой собиралась молодежь и туда приходил старик или средних лет человек, пользующийся уважением, то на его обычный салам молодежь, встав с места, приняв его салам, приветствовала его: «Хошь гельды» (добро пожаловать). Если вновь прибывший только ответит «саубол» и больше не будет продолжать своего обычного у кумыков приветствия, то молодежь должна молчать и стоять.

Обычно в беседе сидящих не вмешивались стоящие, они только отвечали на вопросы и слушали со вниманием разговор. Когда гость решал ночью уйти из

кунацкой и уходил, то он, обращаясь к князю, говорил: «Геченг яхши болсун» (пусть будет твоя ночь хороша). Если в ответ князь сказал: «саубол» (будь здоров), и сделал движение корпусом, то гость должен снять папаху.

В каждом из селений старший из князей представлял из себя власть и его называли «Уллубий» (Большой князь).

В кунацкой уллубия собирались князья и уздени, там садились уллубий и старейшие тамаза из узденей, а молодые князья и уздени стояли. Если они приезжали верхом, то их оседланные лошади стояли у «карас» (толстого ветвистого очищенного от коры дерева, установленного посреди двора, на ветвях которого кунаки закидывали уздечки своих лошадей и входили в кунацкую). Если бывала тревога, то молодые гости выходили вместе с уллубием. Если же не было тревоги, то они, пообедав у уллубия, с наступлением вечера возвращались к себе. Каждый день по установленной очереди уздени и князья собирались у уллубия. Так жили кумыки в старое время.

Гость, прибывший из других селений, въехавши во двор князя, подъезжал вплотную к карасу и слезал с лошади. Если из кунацкой никто не выходил к нему, для того, чтобы взять у него лошадь, то он сам закидывал уздечку на ветку караса. Входя на балкон кунацкой, он скидывал с себя башлык, снимал бурку и оружие и входил в кунацкую. Если в кунацкой был князь, то он, давал ему обычный салам, если было утро, говорил: «Танг яхши болсун» (доброе утро); если был вечер, говорил: «Геч яхши болсун». Когда князь отвечал: «Хошь гельди», гость отвечал: «Саубол». Если князь протягивал ему руку, он ее брал, если говорил: «Олтур» (садись), садился, если же нет, продолжал стоять.

Когда внесут в кунацкую поднос с едой и хозяин скажет гостям: «идите есть», то гости не подходили к еде: они ждали пока князь (хозяин) не назовет по именам тех, кто с ним мог сесть при еде. Когда эти наедались, то поднос с остатками кушаний передавал-

ся не участвовавшим при еде с князем гостям, которые до этого времени продолжали стоять. При переносе подноса от князя к ним, они все садились и кушали. Обыкновенно ели, сидя на полу. Никто не мог взять для себя стул, пока ему не принесут.

Когда в кунацкую приходил ученый человек, то вне зависимости от того, что он молод, его сажали на «тверь» (почетное место). Кади, мулла пользовались среди народа особенным почетом и уважением. Последние иногда также посещали кунацкие князей».

Адаты об отношении жен к мужьям

Это, пожалуй, самые забытые адаты... Может быть, потому что женщины стали свободнее держать себя? Или потому что жизнь лишена идеалов? Так или иначе, а сколько же утеряно бесценного, что делало жизнь людей нормальной, ясной, понятной.

«Согласно адату у кумыков муж являлся главой семьи. Жена его почитала таким образом:

Среди кумыкского народа князья и уздени вставали рано утром и отправлялись в свою кунацкую комнату. Там они делали распоряжение своим рабам и прислуге, сами же, оседлав своих лошадей и приготовив оружие, ждали первого зова к тревоге, для того чтобы выйти немедленно.

Жены не вмешивались в дела мужей. Последние не ходили к женам до полуночи, когда они шли спать. Жены не знали и не спрашивали, что делал муж, что он брал, что он давал. Если даже они их спрашивали, то порядочные мужья отвечали: «Не в свое дело не вмешивайся». Порядочные же жены делали все, что им скажут мужья и не разбираясь, правильно ли это или нет. Когда мужья уходили куда-нибудь, то они не спали до их возвращения и не клали постель из опасения, что придет с их мужьями кто, то придется им стыдиться перед ними. Были такие из мужей, которые давали развод своим женам за то, что их заставляли спать. Порядочные жены не ели при мужьях и даже воды не пили на их глазах. Они не называли

мужей по имени из уважения к ним. Родственникам своих мужей они давали особые почетные имена, не называя их настоящим именем. С отцами мужей они не говорили до смерти. Беспрекословно выполняли приказания матерей своих мужей. Когда их дети плакали при посторонних мужчинах, то они не шли к этим детям. Когда же в этих случаях они имели детей на руках, то они немедленно передавали их прислуге или просто клали на пол. Тем же мужчинам, которые пришли к мужу, они служили с открытыми и приветливыми лицами, не разбираясь, кто он, зачем пришел. За приходящими и уходящими кунаками они ухаживали не волнуясь, не ругаясь, не сердясь, и угощали их, не желая ничего, что у них было. Все их имущество — будь то привезенное от отца или заработанное их трудами — они передавали в полное распоряжение своих мужей. Для всякой женщины, пока у нее был муж, считалось стыдно говорить: «Это имущество мое личное».

«Имущество жены хорошо в котле», — гласит старинная половецкая пословица.

Адаты об отношении отцов к детям

«У кумыков отец, имевший сына или дочь, поступал так: в то время, когда сын или дочь были ребенком, их не приносили в ту комнату, где был отец. Если последний видел где-нибудь, что его ребенок упал, он его не поднимал, если плакал, — не успокаивал.

«Рассказывают, один человек увидел, выйдя из кунацкой, своего малолетнего сына, поднятого быком на рога, и не снял его, пришел обратно в свою кунацкую: «Там у конюшни один ребенок плачет». После чего его домашние пришли на конюшню и сняли его ребенка с рогов быка... Так относились к своим детям князья и известные уздены.

«Что же касается дочерей, то отцы их вообще никогда не видели. Их растили и воспитывали матери. Когда Юсуф-кади Клычев увидел свою взрослую дочь, то спросил: «Чья это дочь?» Отцы не женили

своих сыновей и дочерей не выдавали замуж до двадцатилетнего возраста. Сын беспрекословно женился на той девушке, которую за него брал его отец. Дочь также беспрекословно выходила замуж за того, за кого ее выдавали».

Дед же мог играть с детьми своих детей, мог носить их на руках, кормить их. Наверное поэтому половецкая пословица гласит: «Моего дитяти дитя слаще меда».

Адаты об отношении сыновей к отцу

Согласно адата уважение, оказываемое сыном отцу, было в такой форме:

«Сын не садился при отце, стоял и слушал при нем, отвечая лишь на его вопросы. При отце он не ел, не курил, исполнял всякое приказание отца беспрекословно, не рассуждая о том, правильно ли оно или неправильно. Сыну называть отца по имени считалось неприличным. Он находился в кунацкой, пока не заснет отец. Сам он ложился спать, когда уложить отца спать. Порядочные сыновья, не испросив разрешения отца, никуда не ходили и ни за какое дело не брались. На виду отца не входили в комнату жены. До смерти отца они от него не отделялись, ничего при жизни отца они не называли своим, не испрося разрешения отца, ничего никому не давали и не брали. Всегда они оказывали почет и уважение отцовским родственникам и друзьям. Перед отцом они ни одним словом не обмолвливались о своих детях и женах».

Написал я об обычаях наших предков и задумался, а надо ли было написать о них? Получается, все забыто?.. Однако от судьбы не уйдешь.

И все-таки не случайно мне попались «Адаты кумыков», уверен, половецкий народ не исчез. Мы возродимся, когда вспомним своих славных и великих предков, когда будем, наконец, хотеть походить на них, а для этого важно знать, какими они были.

